

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВОЛГОГРАДСКАЯ АКАДЕМИЯ

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Тезисы докладов

XXX региональная конференция молодых ученых
и исследователей Волгоградской области
1 ноября 2025 г.

Выпуск 25

Волгоград
ВА МВД России
2026

УДК 323(082)
ББК 66.2я43
П 68

Одобрено
редакционно-издательским советом
Волгоградской академии МВД России

- П 68 **Правовое** обеспечение национальной безопасности : тезисы докладов XXX региональной конференции молодых ученых и исследователей Волгоградской области, г. Волгоград, 1 ноября 2025 г. / редколлегия : А. П. Алексеев, Н. Д. Захарова, И. А. Бондарук, К. А. Шведова, А. З. Родионова, П. С. Муромцева. – Волгоград : ВА МВД России, 2026. – Электрон. дан. (807 КБ). – 1 электрон. опт. диск (DVD-R). – Систем. требования : частота процессора не менее 2 ГГц ; операционная система от Windows 7 SP1 до Windows 11 ; оперативная память не менее 2 Гб ; 807 КБ свобод. диск. пространства ; разрешение экрана не менее 800 х 600 ; оптический привод DVD-ROM/RW ; Adobe Acrobat Reader 8.0 и выше. – Текст : электронный.

ISBN 978-5-7899-1677-3

Сборник содержит тезисы докладов курсантов, слушателей и студентов, участвовавших XXX региональной конференции молодых ученых и исследователей Волгоградской области «Правовое обеспечение национальной безопасности» (ноябрь 2025 г.).

Издание предназначено курсантам, слушателям и преподавателям образовательных организаций системы МВД России.

УДК 323(082)
ББК 66.2я43

Редакционная коллегия: А. П. Алексеев (председатель), Н. Д. Захаров (зам. председателя), И. А. Бондарук (отв. секретарь), К. А. Шведова, А. З. Родионова, П. С. Муромцева.

ISBN 978-5-7899-1677-3

© Волгоградская академия МВД России, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

Работы молодых ученых

Бирюкова А. И.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ И ПОКАЗАНИЯ СПЕЦИАЛИСТА

КАК ИСТОЧНИК ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ..... 5

Работы студентов

Баймагамбетова Э. Д.

УЧАСТНИКИ СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА:

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СТАТУСА

И РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ..... 7

Бахвалов Н. В.

ДЕСТРУКТИВНЫЕ ИНТЕРНЕТ-ИГРЫ

КАК ДЕВИАНТОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН..... 12

Денисова П. А.

НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ

ПРИМЕНЕНИЯ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ

ОГРАНИЧЕННОГО ПОРАЖЕНИЯ ДЛЯ УНИЧТОЖЕНИЯ

БЕСПИЛОТНЫХ ВОЗДУШНЫХ СУДОВ..... 14

Жамсаранова Д. В.

ПРИМЕНЕНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ 3D-СКАНИРОВАНИЯ ДЛЯ ФИКСАЦИИ

ОБЪЕМНЫХ ТРАСОЛОГИЧЕСКИХ СЛЕДОВ 16

Иванов И. Д.

ПЕРСПЕКТИВЫ КРИМИНАЛИЗАЦИИ НАРУШЕНИЯ ПРАВИЛ ОБРАЩЕНИЯ

С ЖИВОТНЫМИ 19

Козырева В. А.

КВАЛИФИКАЦИЯ ДИПФЕЙК-МОШЕННИЧЕСТВА

И КИБЕРПОХИЩЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА..... 22

Котиева М. М.

ИННОВАЦИОННЫЕ ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ

В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ 23

Лотикова Я. А.

ОСОБЕННОСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ

БЕЗОПАСНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРИ ЭКСПЛУАТАЦИИ

СРЕДСТВ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ..... 25

Миронова Е. Д.

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ

АДМИНИСТРАТИВНЫХ САНКЦИЙ В СФЕРЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ:

АНАЛИЗ ЭФФЕКТИВНОСТИ..... 27

Михина Е. П.

РЕАБИЛИТАЦИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ:

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ..... 30

Муромцева П. С.

ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ КАК ОСНОВА

НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ..... 33

Остапенко С. А. АНАЛИЗ ТРАЕКТОРИЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ КУРСАНТОВ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ.....	36
Остряков К. В. ЮРИДИЧЕСКАЯ ОБОСНОВАННОСТЬ КРИМИНАЛИЗАЦИИ ОБНАРУЖЕНИЯ УМЫСЛА В Ч. 5 СТ. 291.1 УК РФ.....	38
Печерская Д. И. О ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ ВЕЩЕСТВЕННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ.....	41
Родионова А. З. ВОЗМОЖНОСТИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В КРИМИНАЛИСТИКЕ XXI ВЕКА.....	44
Савлданова А. М. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОГНЕВОЙ И ТАКТИКО-СПЕЦИАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ ПРИ ПОДГОТОВКЕ КУРСАНТОВ И СЛУШАТЕЛЕЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ МВД РОССИИ	48
Сергеева В. С. ПРАВОВЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ РЕГИСТРАЦИИ БРАКА КАК ОСНОВА СОХРАНЕНИЯ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ.....	51
Чагнаадорж А. ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КИБЕРТЕРРОРИЗМУ И КИБЕРШПИОНАЖУ: АНАЛИЗ НОРМ УК РФ И МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ПОДХОДЫ.....	54
Шаманина Ю. С. ОСКВЕРНЕНИЕ СИМВОЛОВ ВОИНСКОЙ СЛАВЫ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ КВАЛИФИКАЦИИ	56
Юхименко А. А. АДМИНИСТРАТИВНЫЕ МЕРЫ ОВД В КОНТЕКСТЕ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ: ОЦЕНКА ИХ ВЛИЯНИЯ НА ОБЩЕСТВЕННЫЙ ПОРЯДОК И ИНТЕГРАЦИЮ МИГРАНТОВ.....	59
<i>Работы школьников</i>	
Якупов Р. А. ДЕФОРМАЦИЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: ПРИЧИНЫ И ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ.....	63

**XXX РЕГИОНАЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ
И ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ
«ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ»**

Работы молодых ученых

А. И. Бирюкова,
магистрант ВИУ РАНХиГС.
Научный руководитель: **В. Г. Глебов**

**ЗАКЛЮЧЕНИЕ И ПОКАЗАНИЯ СПЕЦИАЛИСТА КАК ИСТОЧНИК
ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ**

Результаты данного исследования позволили выявить пробелы и неточности в федеральном законе. Для их устранения предлагается: уточнить формулировку понятия «заключение» специалиста; установить ответственность за дачу ложного заключения; закрепить порядок получения заключений специалиста либо, в качестве альтернативы, объединить понятия «заключение» и «показания» специалиста в единое понятие «профессиональная консультация», регламентировать порядок ее получения и ввести ответственность за заведомо ложное консультирование, вводящее в заблуждение участников уголовного процесса.

Актуальность исследования обусловлена тем, что заключение и показания специалиста в настоящее время играют большую роль в доказывании по уголовным делам. Суды, прокуроры, следователи, дознаватели и другие участники уголовного процесса все чаще стали прибегать к помощи специалистов. Тем более что привлечь специалиста, т. е. профессионала в той или иной сфере деятельности, возможно на любой стадии уголовного судопроизводства. Проблемы на практике, как правило, возникают при признании таких доказательств допустимыми, а в дальнейшем – при возможности использования их в качестве прямых, первоначальных доказательств по уголовным делам. Заключение и показания специалиста также служат серьезным основанием для назначения повторной или дополнительной экспертизы, могут ставить под сомнение саму деятельность и, соответственно, результаты исследований экспертов, а значит, способны повлиять на исход уголовного дела в ту или иную сторону.

Не вполне корректным видится закрепленное в уголовно-процессуальном законе понятие «заключение» специалиста. Поскольку обращение за помощью к специалисту в уголовном судопроизводстве не подразумевает под собой какого-либо серьезного исследования с использованием специальных методик, методов исследования, а носит консультативный, вспомогательный характер, основанный на специальных знаниях и профессиональном опыте специалиста. Вполне логичным и обоснованным представляется изменить формулировку «заключение специалиста» на: «профессиональное консультирование, разъяснение, профессиональное суждение, профессиональное содействие, профессиональная рекомендация, профессиональная оценка обстоятельств по делу, профессиональное мнение» специалиста.

Показания эксперта – сведения, сообщенные им на допросе, проведенном после получения его заключения, в целях разъяснения или уточнения данного заключения в соответствии с требованиями ст. 205 и 282 УПК РФ (ч. 2 ст. 80 УПК РФ) [1]. Из чего следует, что показания эксперта напрямую зависят от его заключения. А показания специалиста независимы от него и носят самостоятельный характер, могут быть даны абсолютно по любым вопросам в рамках профессиональной компетенции специалиста. В то же время само заключение и показания специалиста, как следует из федерального закона, это и есть суждения, выводы, умозаключения, результат умственной деятельности специалиста. Почему в таком случае нельзя взять и объединить в единое понятие «заключение» и «показания», например, в «профессиональную консультацию» специалиста? В теории можно встретить такой термин как рецензирование заключения эксперта [2]. Рецензирование – более узкое понятие. Видится невозможным определять заключение специалиста как «рецензирование» заключения эксперта.

Специалист в настоящее время не привлекается к ответственности за дачу заведомо ложного заключения, соответственно, у участников уголовного процесса есть вероятность сомневаться в достоверности такого заключения и тем более невозможность признавать его доказательством. Специалист несет ответственность только за дачу заведомо ложных показаний, в связи с чем видится необходимость установить условия (основания, критерии), по которым следует все-таки привлекать к ответственности специалиста за дачу заведомо ложного заключения по аналогии с экспертом. И эксперт, и специалист – лица, обладающие специальными знаниями и профессиональным опытом. Следовательно, специалист должен понимать, что он не имеет права вводить в заблуждение участников процесса и все, что он привносит в уголовное судопроизводство становится основой или опорой для доказывания. А установив ответственность за дачу ложного заключения необходимо установить и закрепить в федеральном законе порядок получения такого заключения.

Таким образом, из вышесказанного следует, что необходимо внести изменения в уголовно-процессуальный закон: изменить формулировку понятия «заключение» специалиста на «профессиональное консультирование, разъяснение, профессиональное суждение, профессиональное содействие, профессиональная рекомендация, профессиональная оценка обстоятельств по делу, профессиональное мнение». Видится возможность объединить понятия «заключение» и «показания» специалиста в одно общее, исходя из вышеприведенных терминологических формулировок.

Следует регламентировать порядок получения заключений специалиста в федеральном законе. Установить ответственность за дачу заведомо ложного заключения специалистом.

В случае объединения понятий «заключение» и «показания» специалиста в одно общее следует установить порядок получения такой консультации и ответственность за заведомо ложное консультирование, вводящее в заблуждение участников уголовного процесса.

Список библиографических ссылок

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
2. Нурбаев Д. М. Заключение специалиста как доказательство в уголовном процессе // Бизнес. Образование. Право. 2024. № 2 (67). С. 270–275.

© Бирюкова А. И., 2026

Э. Д. Баймагамбетова,
курсант Волгоградской академии МВД России.
Научный руководитель: **М. М. Бондарь**

**УЧАСТНИКИ СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА:
ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СТАТУСА
И РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ**

Процессуальный статус участников уголовного судопроизводства является одним из фундаментальных элементов науки уголовного процесса. В зависимости от того, каким статусом будет наделено лицо в ходе уголовного судопроизводства, оно будет иметь определенные права и нести определенные обязанности, которые могут быть характерны только для того статуса, которым его наделили. В науке уголовного процесса на протяжении длительного времени наблюдается активная дискуссия по поводу определения правового статуса участников стадии возбуждения уголовного дела. Данная стадия характеризуется тем, что процессуальный статус приобретают заявитель и лицо, в отношении которого проводится процессуальная проверка, т. е. предполагаемый подозреваемый. Следует отметить, что вопрос о правовом положении указанных субъектов является одним из наиболее дискуссионных в уголовно-процессуальной доктрине. Несмотря на наличие достаточно четкой регламентации данного аспекта, его теоретическое осмысление требует дальнейшего углубленного исследования. Правильное и своевременное присвоение соответствующего статуса лицу напрямую влияет на эффективность расследования уголовного дела. Их нормативное закрепление и теоретическая разработанность необходимы для правильного (законного и обоснованного) правоприменения.

На практике получение процессуального статуса зачастую сопровождается рядом проблем. Такие проблемы могут быть вызваны как несовершенствами в нормативной правовой базе, так и процедурными недостатками. В контексте проверочных мероприятий, проводимых на стадии возбуждения уголовного дела, все участники процесса, за исключением представителей органов власти, обладают равными правами и процессуальным статусом, что закреплено в уголовно-процессуальном законодательстве. Однако полное и безупречное соблюдение этих положений на практике сопряжено с рядом значительных трудностей, так как уголовно-процессуальный закон не предъявляет конкретных требований к мероприятиям, производимым на стадии доследственной проверки. Дело в том, что многие положения УПК РФ, такие как обязанность предупреждения об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний или дачу заведомо ложных показаний, не могут быть реализованы на стадии процессуальной проверки ввиду недопустимости привлечения к уголовной ответственности за такие деяния до официального возбуждения уголовного производства. Объяснения, полученные на стадии процессуальной проверки, играют критически важную роль и оказывают существенное влияние на принятие решения о возбуждении или отказе в возбуждении уголовного дела. Именно поэтому их отсутствие или заведомо ложные показания, данные опрашиваемым лицом, будут влиять как на разрешение одного конкретного преступного деяния, так и на деяния, которые могут быть совершены в будущем. Возникают также проблемы в случаях необходимости вызова лица для дачи объяснений. Хотя законодательство наделяет следователя или дознавателя правом получать объяснения до возбуждения уголовного дела (ч. 1 ст. 144 УПК РФ), процедура вызова лица для дачи таких объяснений не урегулирована нормативно. В связи с этим приходится прибегать к аналогии с процедурой вызова на допрос, используя повестку как форму уведомления о намерении следователя или дознавателя провести беседу. Так как повестка не предусматривает прямой обязанности прибыть для дачи объяснений, лицо, ее получившее, вправе проигнорировать содержащиеся в ней требования. В таких ситуациях следователю представляется невозможным привлечь

лицо к уголовной ответственности или применить меры процессуального принуждения. Тем самым он становится ограниченным в деятельности по раскрытию преступлений.

В рамках российского уголовно-процессуального законодательства наблюдается отсутствие четкой правовой регламентации статуса участников на стадии возбуждения уголовного дела. Это приводит к нарушению конституционных прав и законных интересов лиц, вовлеченных в процесс проверки сообщений о преступлениях, и, как следствие, в данных обстоятельствах стадия возбуждения уголовного дела перестает выполнять свою правозащитную функцию. Изложенное требует проведения детального анализа рассматриваемого вопроса.

Статус заявителя играет важную роль в инициировании расследования по уголовному делу, так как именно заявление о преступлении зачастую становится отправной точкой для начала всех процессуальных действий, поиска и изобличения виновных лиц. Однако, несмотря на его значимость, нормативное регулирование остается недостаточно ясным. Данный статус характеризуется определенной неустойчивостью. Нельзя однозначно утверждать, является ли он (заявитель) самостоятельным участником уголовного процесса или нет.

В ч. 3 ст. 119 УПК РФ законодатель определяет заявителя как лицо, обладающее правом подачи ходатайств. В соответствии с ч. 1 данной статьи право принадлежит следующим субъектам: подозреваемому, обвиняемому, его защитнику, потерпевшему или его законному представителю, частному обвинителю, эксперту, гражданскому истцу, гражданскому ответчику и их представителям. Уголовно-процессуальное законодательство не устанавливает четкого разграничения между заявителем и другими участниками уголовного процесса, рассматривая заявителя как обобщающий термин, охватывающий субъектов, имеющих право обращаться с ходатайствами в суд. Понятие «заявитель» также встречается в гл. 19 и 20 УПК РФ. В контексте этих глав его можно определить как лицо, предоставляющее первоначальные сведения о преступлении, что указывает на его статус как самостоятельного субъекта уголовно-процессуальных отношений. Однако он не включен в перечень участников уголовного процесса, представленный в разделе II «Участники уголовного судопроизводства» УПК РФ. Логическая структура данного раздела может вызывать впечатление, что он содержит исчерпывающий список субъектов, участвующих в уголовном процессе. Возникающая ситуация вызывает вопрос о статусе заявителя как автономного субъекта уголовно-процессуальных отношений, требующий дополнительного анализа и рассмотрения в рамках контекста и целей законодательных норм.

В рамках уголовного судопроизводства термин «заявитель» обладает многозначностью, что требует детального анализа его применения в контексте уголовно-процессуального законодательства. В УПК РФ данное понятие используется в двух основных контекстах: при подаче заявления о преступлении и при подаче жалоб. В уголовно-процессуальной литературе высказывается предложение о необходимости включения в ст. 5 УПК РФ понятия «заявитель». Предлагаемое определение может быть сформулировано следующим образом: «Заявитель – это лицо, обратившееся в предусмотренном законом порядке в органы предварительного расследования, прокуратуру, суд с заявлением о готовящемся или совершенном преступлении, а также с заявлением об обжаловании процессуальных решений и действий (бездействия) лиц, осуществляющих уголовное преследование, принятие и совершение которых причиняет или способно причинить ущерб его правам, свободам и законным интересам» [1]. Однако данное определение не позволяет провести четкое разграничение между заявителем и другими участниками уголовного судопроизводства. Например, в случае подачи жалобы потерпевшим возникает вопрос о его статусе: будет ли он рассматриваться как потерпевший или заявитель? Возможно ли присвоение ему двойного статуса? Из-за неопределенности в трактовке данного понятия законодатель принял решение использовать альтернативный подход к правовому регулированию и воздержался от официального закрепления термина.

Отсутствие четкого правового закрепления статуса заявителя ведет к тому, что данный участник уголовного процесса не всегда может в полной мере воспользоваться своими правами и соблюсти свои обязанности. Это создает ограничения для заявителей в возможности

воздействия на ход расследования, получения информации о текущем статусе производства по его заявлению и защиты своих законных интересов.

Одним из прав заявителя, играющих ключевую роль в инициировании уголовного судопроизводства, является право на обращение в любой правоохранительный орган с заявлением о преступлении, в результате которого он пострадал. Однако с момента подачи заявления о преступлении и до принятия процессуального решения в порядке, предусмотренном ст. 145 УПК РФ, заявитель фактически лишен возможности активно влиять на процесс рассмотрения его заявления. В этот период заявитель не имеет возможности предпринимать действия, которые могли бы оказать влияние на ход и результаты проверки заявленного им сообщения.

Кроме того, неопределенность статуса заявителя оказывает влияние на практическую деятельность: часто заявления остаются без должного рассмотрения, отказы в возбуждении уголовных дел выносятся без достаточных оснований, а сроки рассмотрения заявлений могут быть неоправданно увеличены без уведомления заявителя. Так, в правоохранительных органах до сих пор нередки случаи укрытия преступлений от учета. Происходит оно или путем непринятия сообщений о преступлениях, или посредством отказа в регистрации таких сообщений, их уничтожения. По результатам исследования Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), 17 % от всего числа опрошенных лиц, пострадавших от преступлений, сообщили о попытках сотрудников полиции отговорить их от оформления заявления о преступлении. В 9 % случаев обращения с информацией о преступлении заявления были отклонены [2]. Ежегодный анализ правоприменительной практики также выявляет систематические нарушения прав заявителей на первичных этапах уголовного процесса. В частности, заявители выражают недовольство в связи с отказом в принятии заявления о семейном насилии и критикуют формальный и поверхностный подход сотрудников правоохранительных органов к проверке заявлений о преступлениях. Например, гражданка Ч. и ее несовершеннолетние дети систематически подвергались актам насилия со стороны гражданина Г. Заявитель неоднократно обращался в отдел полиции на протяжении трех лет, однако правоохранительные органы не инициировали процессуальных действий. Тогда заявительница обратилась к Уполномоченному по правам человека в Пермском крае. В своем обращении она выразила жалобу на бездействие сотрудников полиции отдела МВД России по Красновишерскому району. Приняв жалобу на рассмотрение, Уполномоченный обратился к прокурору Красновишерского района Пермского края, вследствие чего было инициировано уголовное преследование в отношении гражданина Г. Следователь по особо важным делам Чердынского МСО СУ СК РФ по Пермскому краю предъявил гражданину Г. обвинение по пп. «г», «д» ч. 2 ст. 117 УК РФ [3]. Подобные проблемы нарушают право граждан на доступ к правосудию, приводят к снижению уровня доверия граждан к правоохранительным органам и уменьшению эффективности привлечения виновных лиц к уголовной ответственности.

Согласно уголовно-процессуальному законодательству при получении сообщения о преступлении уполномоченное должностное лицо обязано принять и зарегистрировать его, после этого выдать заявителю талон-уведомление – документ, который обеспечивает ему возможность защищать свои права и законные интересы, контролировать законность действий правоохранительных органов. Однако эффективность данной меры зависит от осведомленности заявителя о порядке рассмотрения его заявления и принимаемых на завершающем этапе производства по делу решений. В противном случае информация, указанная в талоне-уведомлении, не будет иметь для заявителя значения и не сможет повлиять на ход уголовного процесса. Таким образом, заявитель должен не только быть наделен правами, но и должностное лицо обязано письменно ознакомить его с этими правами.

В данном случае видится необходимым внести в УПК РФ следующие изменения:

1. Обязать должностных лиц знакомить заявителей с порядком рассмотрения заявлений, сроками принятия решений и результатами следственных действий путем выдачи письменного уведомления сразу же после подачи заявления или приема сообщения о преступлении.
2. Ввести дополнительную обязанность должностных лиц информировать заявителя о ходе проверки сообщения о преступлении путем направления письменных уведомлений,

содержащих информацию о принятых мерах и дальнейших действиях органов предварительного расследования.

3. Установить обязанность должностных лиц знакомить в письменном виде заявителей с результатами процессуальной проверки заявления и сообщения о преступлении, а также указать, что нарушение данной процедуры будет влечь за собой ответственность согласно действующему законодательству.

Данные изменения позволят повысить прозрачность процедуры и обеспечить соблюдение прав заявителей на доступ к правосудию и эффективную защиту их законных интересов. Они смогут гарантировать справедливое отношение ко всем участникам процесса и минимизировать случаи злоупотреблений полномочиями со стороны государственных служащих. Однако важно помнить, что любые нововведения требуют тщательной проработки механизмов реализации.

В рамках уголовного процесса, начиная с момента возбуждения уголовного дела и до вынесения судебного решения, ключевым субъектом является подозреваемый. Проблема статуса подозреваемого (термин «подозреваемый» в тексте будет употребляться в широком смысле, как лицо, в отношении которого осуществляется уголовно-процессуальная деятельность) является одной из ключевых в теории и практике уголовно-процессуальной науки. Этот вопрос связан с тем, что именно на данной стадии формируется его процессуальное положение, определяются его права и обязанности в уголовном процессе.

Анализ уголовно-процессуального закона говорит о том, что сложно определить точный момент, когда именно лицо приобретает статус подозреваемого. Согласно УПК РФ подозреваемый – лицо, в отношении которого возбуждено уголовное дело по основаниям и в порядке, установленном гл. 20 УПК РФ (ч. 1 ст. 46 УПК РФ); которое задержано в соответствии со ст. ст. 91 и 92 УПК РФ; к которому применена мера пресечения до предъявления обвинения в соответствии со ст. 100 УПК РФ; которое уведомлено о подозрении в совершении преступления в порядке, установленном ст. 223.1 УПК РФ. Отсюда вытекает логический вывод, что статус подозреваемого приобретает лицо после возбуждения уголовного дела в строгом соответствии с уголовно-процессуальным законодательством. Тем не менее, в ходе доследственной процессуальной проверки фактов, после регистрации сообщений о преступлении и иных процессуальных действий, лицо может фактически рассматриваться правоохранительными органами как потенциальный подозреваемый даже до официального возбуждения дела. Для обозначения такого статуса некоторые исследователи используют термин «заподозренный» [4]. Подозрение здесь можно рассматривать как предположение о субъекте преступления, неполная осведомленность о каких-либо обстоятельствах, т. е. предположительное их объяснение. И хотя возникшее в сознании следователя мнение о предполагаемом преступнике не делает это лицо подозреваемым в процессуальном смысле, оказываемое на лицо психологическое давление в связи с его подозрением может нанести ущерб его интересам как гражданина РФ. Так происходит потому, что уверенность следователя в причастности конкретного лица к совершению преступления невозможна без проверки информации, относящейся к лицу, имеющейся у него. Такая информация может быть получена как следственным путем, так и предоставлена оперативными сотрудниками полиции. Именно поэтому существует опасность проведения с ним процессуальных действий, направленных на изобличение таких лиц в совершении преступления, но не предусматривающих реализацию ими прав и свобод, предоставленных законом.

Как и было сказано выше, отсутствие четкого закрепления статуса подозреваемого на стадии возбуждения дела приводит к ограничению гарантированных процессуальных прав. Дело в том, что на сегодняшний день действующее законодательство не регламентирует конкретные сроки уведомления лица, в отношении которого имеются подозрения в совершении преступления. Данное обстоятельство создает существенные препятствия для подозреваемого, поскольку лишает его возможности своевременно отреагировать на выдвинутые обвинения и реализовать свои процессуальные права. Отсутствие официального статуса подозреваемого ограничивает возможность лица полноценно воспользоваться своим правом

на защиту как самостоятельно, так и с привлечением адвоката. Более того, лицо не имеет возможности оспорить выдвинутое подозрение, поскольку данное право возникает исключительно после наделения его процессуальным статусом подозреваемого. Таким образом, данный пробел в уголовно-процессуальном законодательстве создает опасность нарушения принципа, закрепленного в ч. 1 ст. 11 УПК РФ. Он гласит, что следователь обязан не только проинформировать подозреваемого о его правах, обязанностях и ответственности, но и обеспечить условия для реализации этих прав [5].

В контексте анализа проблематики обеспечения прав лица, в отношении которого осуществляется доследственная проверка, особое внимание следует уделить вопросу гарантированности правовой защищенности лица, задержанного на основании ст. 91 и 92 УПК РФ. Эта проблема требует детального рассмотрения с учетом нормативной правовой базы, сложившейся судебной практики и теоретических аспектов правоприменительной деятельности.

Несмотря на положительный смысл всех правовых инструментов, обеспечивающих полную защиту прав и интересов задержанного, в процессе правоприменительной деятельности возникает много трудностей по поводу отсутствия в них системности. Так, ч. 3 ст. 46, ч. 1 ст. 92 и ст. 96 УПК РФ гласят об обязательном разъяснении задержанному его процессуальных прав, а также предоставлении одного телефонного разговора. Кроме того, о факте задержания уведомляются лица, которые могут быть заинтересованы в этом (родственники, иные близкие лица, командование воинской части и т. д.). В теории данные предписания закона в абсолютной степени позволяют защитить права лица, чье конституционное право на свободу передвижения было ограничено. Но на практике указанные правовые нормы могут быть малопригодны для их применения [6]. В них не указано должностное лицо, на ком будет лежать бремя исполнения предписаний закона. Кто должен будет разъяснить задержанному его права, кто конкретно даст ему возможность на один телефонный разговор? Данная ситуация создает опасность нарушения норм процессуального законодательства, ведь ни у следователя, ни у других представителей «силовых» ведомств нет прямого предписания к действию. Если применять аналогию закона, то логично предположить, что бремя исполнения будет лежать на следователе, ведь это прямо предусмотрено в ч. 1 ст. 11 УПК РФ. Но на практике следователь впервые контактирует с задержанным лицом гораздо позже момента фактического задержания – после доставления его в орган предварительного расследования, поэтому своевременное исполнение данного права становится невозможным.

В заключение следует отметить, что комплексное совершенствование нормативно-правовой базы, направленное на укрепление статуса заявителя и подозреваемого на стадии возбуждения уголовного дела, повышение правовой культуры и дисциплины в органах следствия и дознания, а также создание эффективных механизмов взаимодействия всех участников уголовного процесса имеют решающее значение для повышения качества уголовного судопроизводства в целом. Только при условии обеспечения равенства сторон, прозрачности и соблюдения прав каждого участника возможно достижение справедливости и законности, что является фундаментом правового государства и гарантией защиты прав и свобод человека.

Список библиографических ссылок

1. Судебный контроль в уголовном процессе: учеб. пособие / И. А. Давыдова [и др.]; под ред. Н. А. Колоколова. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. 847 с.
2. ВЦИОМ. Новости: Пострадавшие от преступлений: в надежде на справедливость. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=536> (дата обращения: 29.09.2025).
3. Соблюдение и защита прав потерпевших в уголовном процессе: тематический доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. М.: Издательство «Проспект», 2020. 64 с.
4. Давлетов А. А. Проблема статуса уголовно преследуемого лица в стадии возбуждения уголовного дела // Российский юридический журнал. 2015. № 4. С. 61–67.

5. Федорова И. А. Регулирование процессуального статуса уголовно преследуемого лица в стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2018. № 3. С. 17–19.

6. Россинский С. Б., Ващенко Б. М. О некоторых проблемах обеспечения правовых гарантий личности при задержании по подозрению в совершении преступления // Вестник восточно-сибирского института МВД России. 2018. № 4 (87). С. 131–138.

© Баймагамбетова Э. Д., 2026

Н. В. Бахвалов,
курсант Волгоградской академии МВД России.
Научный руководитель: **Т. В. Яловенко**

ДЕСТРУКТИВНЫЕ ИНТЕРНЕТ-ИГРЫ КАК ДЕВИАНТОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

Современное общество переживает эпоху стремительного развития информационных технологий, что, в свою очередь, приводит к значительным изменениям в образе жизни и поведении людей, особенно подростков. Одним из наиболее заметных негативных моментов этого процесса является распространение деструктивных интернет-игр, которые становятся все более популярными среди молодежи. Игры, как правило, содержат элементы насилия, агрессии и других девиантных проявлений, что вызывает серьезные опасения у родителей, педагогов и психологов. Как отмечают К. А. Акаева, Ю. А. Западнава, «именно несовершеннолетние поддаются негативному влиянию, так как их ценности не сформированы, побуждения и установки легко поддаются влиянию извне» [1, с. 215].

Деструктивные интернет-игры представляют собой специфическую категорию игровых сообществ, которые становятся все более актуальными в современном обществе. Главной особенностью таких игр является намеренное создание условий, способствующих формированию негативного поведения у игроков. Главное направление их воздействия заключается в психологической манипуляции, которая может привести к саморазрушению, агрессии или даже суицидальным наклонностям.

Одной из самых известных категорий деструктивных игр являются «группы смерти» интернет-сообщества, которые предоставляют доступ к информации деструктивной тематики, пропагандируют культ смерти, насилие, экстремизм, предлагая суицид в качестве выхода из сложной жизненной ситуации. В. О. Шипулин пишет о том, что «кураторы данных игр дают своим последователям различные задания, связанные, в том числе, с причинением себе увечий, финалом же может быть требование совершения суицида» [2, с. 240].

Основным источником и местом функционирования таких игр являются социальные платформы и мессенджеры, социальные сети.

1 февраля 2021 г. в России вступили в силу существенные поправки в закон «Об информации, информационных технологиях и защите информации» [3], широко известный как «закон о самоцензуре социальных сетей». Изменения ввели новое юридическое понятие – «владелец публичной сети», под которым понимается организация или компания, осуществляющая распространение информации в Интернете и обладающая ежедневной аудиторией более 500 тыс. пользователей [4]. Такой порог охватывает крупнейшие социальные платформы, которые теперь обязаны самостоятельно контролировать содержимое, размещаемое на их ресурсах.

Основная идея закона заключается в том, чтобы обязать социальные сети в течение одних суток выявлять и удалять противоправный контент.

Формально это должно стать эффективным инструментом борьбы с деструктивными играми в сети Интернет, позволяя государству переложить часть ответственности за монито-

ринг и цензуру на сами платформы. Однако на практике внедрение этих норм оказалось менее результативным, чем предполагалось.

Главным недостатком закона является отсутствие четко прописанной ответственности социальных сетей, которые не выявляют или не удаляют противоправный контент.

Как пояснил Александр Хинштейн, авторы документа надеются на добровольное исполнение его требований соцсетями [5]. Ответить за противоправный контент соцсети могут лишь тогда, когда не выполняют требования Роскомнадзора по его удалению.

Проблема в том, что для коммерческих социальных платформ самостоятельная и активная модерация деструктивного контента связана со значительными издержками времени, человеческих ресурсов и финансов. В условиях отсутствия прямой ответственности стимулов для эффективной самоцензуры практически нет. По сути, социальные сети могут ограничиваться лишь реакцией на жалобы пользователей или предписания от Роскомнадзора.

Ситуация складывается весьма парадоксальная. В России был принят закон, который призван обязать социальные сети самостоятельно обнаруживать и удалять запрещенный контент, однако на практике социальные сети пока не спешат брать на себя эту функцию.

Данный подход снижает эффективность борьбы с «группами смерти» и порождает ситуацию, когда закон существует на бумаге, но фактически не меняет практику работы социальных сетей. Дополнительно стоит отметить, что длительность и сложность процедуры блокировки зачастую играет на руку нарушителям, ведь даже после вынесения предписания на удаление «группы смерти» или отдельные пользователи могут возобновлять свою деятельность в обход блокировок, т. е. создается порочный круг, в котором опасный контент продолжает распространяться.

Таким образом, несмотря на заявленные цели закона, реальная защита молодежи от вредоносной информации оказывается недостаточной, а механизм «самоцензуры» является скорее декларативным, чем работающим инструментом.

В итоге опасный контент может оставаться доступным достаточно долго, пока не поступит жалоба или пока регулятор не инициирует процедуру блокировки.

Автором предлагается ряд способов для решения текущей проблемы.

Во-первых, обязательное введение мониторинга с использованием систем искусственного интеллекта (ИИ) для анализа социальных сетей с целью выявления признаков формирования «группы смерти». Помимо этого предлагается использование систем ИИ для анализа лингвистических паттернов, чтобы выявлять людей, находящихся в группе риска.

Во-вторых, введение в школах дополнительных занятий по психическому здоровью и устойчивости к стрессу, а также информационной и персональной безопасности в сети Интернет.

В-третьих, усиление ответственности платформ за нарушение требований удаления и обнаружения вредоносного контента.

Список библиографических ссылок

1. Акаева К. А., Западнава Ю. А. К вопросу о противоправной деятельности групп смерти // Эпомен. 2020. № 41. С. 213–223.

2. Шипулин В. О. От «групп смерти» до умных толп: социальный смысл сценариев самопрезентации молодежи в цифровой медиакультуре постсовременности // Индустрии впечатлений. Технологии социокультурных исследований. 2024. № 1 (6). С. 220–250.

3. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федер. закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. 24.06.2025) // СЗ РФ. 2006. № 31. Ст. 3448.

4. «Группы смерти все еще живы». Почему не работает закон // ПЕРВЫЙ РУССКИЙ. URL:https://tsargrad.tv/articles/gruppy-smerti-vse-eshhjo-zhivy-pochemu-ne-rabotaet-zakon_357177 (дата обращения: 29.09.2025).

5. Александр Хинштейн: законопроект о блокировке соцсетями запрещенного контента не содержит санкций. URL: <http://duma.gov.ru/news/50364/> (дата обращения: 29.09.2025).

© Бахвалов Н В., 2026

П. А. Денисова,
курсант Волгоградской академии МВД России.
Научный руководитель: **Д. А. Морозова**

НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ ПРИМЕНЕНИЯ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ ОГРАНИЧЕННОГО ПОРАЖЕНИЯ ДЛЯ УНИЧТОЖЕНИЯ БЕСПИЛОТНЫХ ВОЗДУШНЫХ СУДОВ

Угроза беспилотных летательных аппаратов (далее – БПЛА, БВС, дроны, беспилотники) для общественной безопасности в последние годы резко возросла. Очевидно, что массовое применение дронов ставит под угрозу жизнь и здоровье людей, нарушает нормальное функционирование важных объектов и мероприятий. Так, в 2025 г. неоднократно фиксировались атаки БПЛА на объекты топливно-энергетического комплекса (ТЭК): по данным СМИ, с начала 2025 г. резко повысилась активность атак дронов на российские нефтеперерабатывающие заводы, и некоторые из них пострадали «достаточно серьезно» [1]. Аналогично на юге России опасные инциденты с дронами привели к отмене крупных фестивалей, концертов и спортивных событий. Специалисты отмечают, что даже без значительных материальных потерь, атаки на транспортную или энергетическую инфраструктуру создают массовую панику и подрывают доверие населения к безопасности государства. В ответ государство приняло ряд новых законодательных мер, и в первую очередь необходимо осветить противодействие БПЛА с помощью применения огнестрельного и другого вида оружия. При этом следует помнить, что любое применение боеприпасов против дрона несет риск падения обломков.

Сейчас российские специалисты активно разрабатывают специализированные патроны для дробового оружия, оснащенные вязаной картечью, что сказывается на эффективном их применении против дронов, так как сеть, попавшая в лучи (лопасти) беспилотника, ограничивает дальнейшее их функционирование и способствует обезвреживанию. Дробь чаще всего используется в борьбе с БПЛА, поскольку за счет ее разброса в воздухе повышается вероятность поразить устройство [2]. Однако на коротких и средних расстояниях военные используют и автоматы, и гладкоствольное оружие [3].

В России право применять оружие в борьбе с БВС закреплено рядом федеральных законов и подзаконных актов. Основные из них: Федеральный закон «О полиции» от 07.02.2011 № 3-ФЗ [4], Федеральный закон «Об оружии» от 13.12.1996 № 150-ФЗ [5], Федеральный закон «О ведомственной охране» от 14.04.1999 № 77-ФЗ [6], приказ МВД России от 30.04.2020 № 252 «Об утверждении Порядка принятия решения о пресечении нахождения беспилотных воздушных судов в воздушном пространстве в целях защиты жизни, здоровья и имущества граждан над местом проведения публичного (массового) мероприятия и прилегающей к нему территории, проведения неотложных следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий и Перечня должностных лиц, уполномоченных на принятие такого решения» [7].

Закон «О полиции» устанавливает общие правила применения сотрудниками полиции физической силы, специальных средств и оружия. Статья 23 данного закона прямо перечисляет основания для применения огнестрельного оружия. В частности, подп. 5 ч. 3 ст. 23 позволяет пресекать функционирование беспилотных воздушных судов для обеспечения безопасности и антитеррористической защищенности, а также защиты жизни, здоровья или имущества граждан. В дополнение ч. 4 той же ст. 23 дает сотруднику полиции право применять

служебное огнестрельное оружие ограниченного поражения (ОООП) во всех случаях, когда разрешено применять огнестрельное оружие, и в некоторых случаях вместо специальных средств. То есть, если оператор дрона угрожает гражданам во время массового мероприятия, сотрудник может использовать травматический пистолет или другие ОООП вместо боевого оружия. Стоит отметить, что закон указывает именно на беспилотные воздушные суда, подразумевающие нахождение дрона в воздухе, однако существуют водные и наземные аппараты. В таком случае необходимо расширить полномочия сотрудника полиции.

Закон «Об оружии» определяет классификацию гражданского и служебного оружия. Из него вытекают общие требования к хранению и ношению оружия, однако закон формально разрешает гражданам иметь травматическое оружие, но не предоставляет права произвольно сбивать дроны обычным гражданам.

Закон «О ведомственной охране» подвергся недавним изменениям, которые существенно расширили полномочия сотрудников в части борьбы с беспилотниками. В ст. 11 был введен новый пункт, позволяющий работникам пресекать функционирование беспилотных аппаратов в целях отражения нападений или угрозы нападения на охраняемые объекты. В частности, указано, что обезвреживание БПЛА осуществляется «путем подавления сигналов дистанционного управления, повреждения или уничтожения этих судов». Это говорит нам о возможности применения кинетических методов противодействия, к ним в свою очередь относится огнестрельное оружие и ОООП, что подтверждает ст. 16 данного закона. С принятием этих поправок работникам ведомственной охраны официально разрешено использовать физическую силу, спецсредства и даже огнестрельное оружие на территории охраняемых объектов и за их пределами для отражения атак дронов. Аналогичные изменения были внесены и в законы о транспортной безопасности и о частной охранной деятельности, расширив возможности охранников подавлять БПЛА и вне зоны своих охраняемых объектов.

Приказ МВД России от 30.04.2020 № 252 определяет перечень лиц (должностных) и процедуру принятия решений о применении специальных средств или оружия к пресечению нахождения дрона в указанных ситуациях. Приказ конкретизирует, что при угрозе для людей на массовом мероприятии органы МВД России уполномочены «пресекать нахождение» дрона всеми необходимыми средствами, в том числе кинетическими методами.

В Закон Российской Федерации от 11.03.1992 № 2487-1 «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» были внесены изменения, и расширены права в области противодействия беспилотникам [8]. Руководитель организации определяет работников для пресечения функционирования беспилотных воздушных, подводных и надводных судов и аппаратов, беспилотных транспортных средств и иных автоматизированных беспилотных комплексов, а те в свою очередь наделяются данными правами. Хотя в нормативном акте указаны не только воздушные суда, но и другие виды дронов, законодатель не уточнил, каким способом правомерно пресекать беспилотники.

Подводя итог вышесказанному, можно отметить, что право применять оружие и спецсредства против БПЛА в Российской Федерации предоставляется сотрудникам полиции, Росгвардии, ведомственной и частной охране и другим уполномоченным лицам, причем именно перечисление таких субъектов и органов дается в различных законах и подзаконных актах. Таким образом, применение как боевого оружия, так и оружия ограниченного поражения против беспилотных судов регулируется совокупностью норм. Федеральный закон «О полиции» устанавливает общие случаи применения оружия (включая специальное) для подавления угроз, в том числе от дронов. Закон «Об оружии» формально определяет, какие виды оружия являются служебными, а какие гражданскими. Закон «О ведомственной охране» и аналогичные акты четко разрешают применить эти средства специально для отражения атак дронов. Системный обзор нормативной базы показывает, что весь комплекс правовых актов хоть и охватывает регулирование деятельности по борьбе с БПЛА, однако в силу обстоятельств срочности введения норм данное упущение не было замечено.

Список библиографических ссылок

1. В. Путин подписал закон, обеспечивающий дополнительные меры по защите объектов ТЭК от беспилотников. URL: <https://neftegaz.ru/news/gosreg/887096-v-putin-podpisal-ukaz-obespechivayushchiy-dopolnitelnye-mery-po-zashchite-obektov-tek-ot-bespilotnik/> (дата обращения: 05.10.2025).
2. Отечественные патроны для борьбы с БПЛА. URL: <https://topwar.ru/263214-otechestvennye-patrony-dlja-borby-s-bpla.html> (дата обращения: 06.10.2025).
3. Средства борьбы с беспилотниками. URL: <https://www.karneev.com/stati/sredstva-borby-s-bespilotnikami/> (дата обращения: 06.10.2025).
4. О полиции: федер. закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 03.10.2025).
5. Об оружии: федер. закон от 13.12.1996 № 150-ФЗ. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 03.10.2025).
6. О ведомственной охране: федер. закон от 14.04.1999 № 77-ФЗ. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 03.10.2025).
7. Об утверждении Порядка принятия решения о пресечении нахождения беспилотных воздушных судов в воздушном пространстве в целях защиты жизни, здоровья и имущества граждан над местом проведения публичного (массового) мероприятия и прилегающей к нему территории, проведения неотложных следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий и Перечня должностных лиц, уполномоченных на принятие такого решения: приказ МВД России от 30.04.2020 № 252. URL: <https://www.garant.ru> (дата обращения: 03.10.2025).
8. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 04.08.2023 № 440-ФЗ. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 03.10.2025).

© Денисова П. А., 2026

Д. В. Жамсаранова,
курсант Волгоградской академии МВД России.
Научный руководитель: **В. А. Абрамов**

ПРИМЕНЕНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ 3D-СКАНИРОВАНИЯ ДЛЯ ФИКСАЦИИ ОБЪЕМНЫХ ТРАСОЛОГИЧЕСКИХ СЛЕДОВ

Процесс цифровизации активно развивается в последние годы. Развитие технологий 3D-сканирования открывает новые перспективы в криминалистике, предлагая эффективные инструменты для фиксации и анализа различных видов доказательств. Высокая точность, возможность получения объемных моделей и создание детальных измерений делают 3D-сканирование перспективным методом для фиксации объемных следов, таких как следы подошв обуви, следы протекторов шин транспортных средств, следы орудий взлома и др. Традиционные методы фиксации следов на месте происшествия (например, фото-) иногда недостаточно полно отражают пространственную структуру объемных следов, что затрудняет их последующий анализ и использование в судебной экспертизе. Неточность измерений, искажения перспективы и сложность восприятия трехмерной информации на плоских изображениях приводят к потерям важных деталей и снижению достоверности результатов. Наша работа направлена на исследование возможностей применения технологий 3D-сканирования для решения данной проблемы, позволяющее создать точные цифровые копии объемных следов и обеспечить их комплексное изучение.

В деятельности эксперта-криминалиста технические средства фиксации всегда занимали центральное место. На протяжении длительного периода фотоаппарат считался основным инструментом документирования вещественных доказательств, демонстрируя высокую

эффективность при запечатлении объектов. Но существенным ограничением традиционной фотофиксации являлась необходимость применения вспомогательных измерительных инструментов для создания полноценной картины события и точного определения параметров фиксируемых объектов.

При документировании пространственных взаимоотношений между объектами на месте происшествия специалисты вынужденно использовали дополнительный измерительный инструментарий, который обязательно включался в кадр. К таким вспомогательным средствам относились масштабные квадраты, измерительные рулетки, а при выполнении детализированной съемки обнаруженных следов – специализированные масштабные линейки. Данный методологический подход часто оказывался трудоемким и не гарантировал абсолютной точности результатов. Более того, неблагоприятные погодные условия или иные объективные обстоятельства нередко препятствовали корректному использованию измерительных инструментов.

Современный уровень технологического прогресса принципиально изменил подход к применению научно-технических средств в криминалистической практике. Инновационные технологии существенно расширили инструментальные возможности специалистов, обеспечив более эффективное обнаружение и изъятие следов в их цифровом эквиваленте.

В современную цифровую эпоху происходит активное внедрение технологии трехмерного сканирования, позволяющей оперативно осуществлять сбор данных, документировать пространственные взаимосвязи между объектами и следами, а также полностью исключать погрешности, связанные с человеческим фактором при сборе криминалистически значимой информации.

Технический потенциал лазерных систем трехмерного сканирования места происшествия обеспечивает получение исчерпывающей информации в формате высокоточной трехмерной модели, что представляет собой качественно новый уровень криминалистической фиксации.

3D-сканирование представляет собой процесс создания трехмерной цифровой модели объекта с использованием специального оборудования, такого как лазерные сканеры, структурированные световые сканеры или фотограмметрические системы. Эти технологии позволяют с высокой точностью зафиксировать форму, размеры и рельеф поверхности объекта, что особенно важно при работе с объемными трасологическими следами. Полученная 3D-модель может быть использована для детального анализа, сравнения с другими следами и для создания виртуальных реконструкций событий. Кроме того, цифровые данные могут быть легко сохранены, переданы и использованы в дальнейшем, что значительно упрощает процесс документирования и исследования.

Одним из ключевых преимуществ 3D-сканирования является его высокая точность. Современные сканеры способны фиксировать объекты с точностью до микрон, что позволяет выявить даже незначительные детали, которые могут быть упущены при использовании традиционных методов. Например, при исследовании следов обуви 3D-сканирование позволяет не только зафиксировать общий рисунок подошвы, но и выявить микрорельеф, который может быть уникальным для конкретной пары обуви. Это значительно повышает вероятность успешной идентификации.

Применение 3D-сканирования открывает и новые возможности для анализа и сравнения трасологических следов. Цифровые модели могут быть обработаны с использованием специализированного программного обеспечения, которое позволяет проводить детальный сравнение следов, выявлять совпадения и различия, создавать виртуальные реконструкции событий. Так, при исследовании следов транспортных средств 3D-модели могут быть использованы для определения направления движения, скорости и других параметров, что может быть ключевым для восстановления картины дорожно-транспортного происшествия.

Показательным примером современного оборудования является мобильный 3D-сканер высокого разрешения итальянской компании GexCel. Это устройство специально разработано для применения непосредственно на месте инцидента с целью фиксации следовой информации. Технологический принцип работы основан на методе «бахромчатой проекции»

в комбинации с высокоразрешающей цветной фотосъемкой. Такой инновационный подход обеспечивает формирование детализированного трехмерного облака точек с интегрированным цветовым слоем исследуемой зоны.

Функциональность данного сканера расширяется возможностью его установки на квадрокоптер или использования в качестве портативного устройства. Питание от аккумулятора обеспечивает мобильность при фиксации следов шин и других трасологических отпечатков на месте происшествия. Важной особенностью является система автоматического уведомления специалиста о результативности каждого сканирования с предварительной визуализацией полученных трехмерных и цветовых данных.

В профессиональной среде значительное признание получил лазерный сканер Leica BLK360, представляющий собой комплексное устройство трехмерного сканирования с интегрированными фотокамерами. Этот инструмент предоставляет возможности для фиксации, исследования и последующей криминалистической реконструкции места происшествия. Принципиальное отличие от традиционной фотосъемки заключается в получении точных координат каждой зафиксированной точки, что обеспечивает проведение прецизионных пространственных измерений. Эксперт-криминалист получает возможность определять расстояния, вычислять площади, объемы и угловые параметры. Необходимость реконструктивных действий при осмотре места происшествия обусловлена динамическими изменениями обстановки.

В Волгоградской академии МВД России на данный момент идет апробация ручного 3D-сканера Calibri Mini для работы на месте происшествия.

3D-сканер Calibry Mini – это портативное (ручное) сканирующее устройство, действующее бесконтактным методом по технологии триангуляции и структурированного света.

Данная модель 3D-сканера создана для работы в лабораторных условиях. 3D-сканер Calibry Mini подключается к стационарному персональному компьютеру (ПК) или ноутбуку при помощи специальных проводов с разъемом USB 3.0 и питании сети 220 В. Для работы с 3D-моделями следов и объектов рабочее место эксперта должно соответствовать следующим требованиям: монитор Full HD 1920x1080, четырехядерный процессор от 3 GHz (восьмипоточный с объемом оперативной памяти не менее 32 Гб), видеокарта последнего поколения не менее 4–8 Гб, дополнительный операционный носитель SSD-накопитель на 512 Гб или 1 Тб с малым временем отклика, свободное место на диске не менее 50 Гб.

Принцип работы сканера. Поступательными движениями руки 3D-сканер Calibry Mini перемещается вокруг сканируемого объекта на удалении от 180 до 300 мм, в результате чего получается сложнопрофильная (полигональная) модель, с которой возможно работать в любой системе автоматизированного программирования. Следует уточнить, что 3D-сканерами такого типа, как Calibry Mini производится сканирование объектов в помещениях с искусственным освещением в отсутствии яркого солнечного света, т. е. они не предназначены для сканирования на улице. Исследователи различных специальностей в разных странах столкнулись с этой проблемой при использовании сканеров в «полевых» условиях. Так, археологи Низов Я. А., Фаустов М. А., Малай Р. С. на месте раскопок установили, что 3D-сканер испускает структурированные пучки света и при наличии других источников яркого освещения, например, солнечного, не может распознать поверхность объекта съемки. Полицейские Австралии также выявили невозможность применения портативных сканеров на улице при ярком солнечном свете или во время дождя. Археолог Низов Я. А. для решения возникшей сложности создал лабораторию по 3D-сканированию на месте раскопок, где было настроено подходящее освещение.

Изучив имеющийся опыт других исследователей по 3D-сканированию в условиях уличного освещения, группа преподавателей и курсантов ВА МВД России создали специальное затемняющее заграждение, позволяющее произвести сканирование в условиях яркого солнечного освещения.

В ходе проектирования установки экспериментальным путем подбирались размерные и геометрические характеристики, материал, возможность удобной сборки и транспортировки.

В результате получилась опытно-экспериментальная модель. Каркас – модульная система труб «джокер» с размерными характеристиками: высота 50 см, ширина 50 см, длина 75 см.

На каркас надевается чехол, изготовленный из геотекстиля плотностью 100 г / м² с отверстием в верхней части для возможности сканирования. Отверстие имеет застежку типа «молния» для закрытия отверстия, служащую для недопущения порчи следов в связи с различными погодными условиями.

В связи с тем, что для работы 3D-сканера необходимо напряжение 220 В и наличие персонального компьютера или ноутбука с программным обеспечением автотранспорт, на котором передвигаются сотрудники следственно-оперативной группы, должен быть укомплектован авто-инвертором для преобразования постоянного напряжения 12 В в переменное 220 В.

В результате экспериментов были получены 3D-модели с объемных следов, обнаруженных на реальных местах происшествий (кража из дачного домика свободным доступом; угон транспортного средства).

Анализ текущих тенденций позволяет утверждать, что в контексте технологического прогресса правоохранительные органы зарубежных стран все активнее внедряют методы бесконтактной фиксации следов посредством сканирования. Технология 3D-сканирования представляет инновационный подход к извлечению следовой информации и обладает существенными преимуществами перед классическими технико-криминалистическими средствами. К таким преимуществам относятся: оперативность сбора информации, высокая точность получаемых данных, возможность мгновенной трехмерной визуализации, комплексность результатов и обеспечение безопасности при работе с труднодоступными или потенциально опасными объектами.

В заключение следует отметить, что применение технологий 3D-сканирования для фиксации объемных трасологических следов представляет собой перспективное направление в современной криминалистике. Эти технологии позволяют значительно повысить точность и эффективность исследования следов, что способствует более успешному раскрытию преступлений. Следует подчеркнуть, что современный технологический контекст требует фундаментального пересмотра методологических подходов к обнаружению и изъятию вещественных доказательств на месте происшествия. В этой связи необходимо систематическое обновление научно-технического оснащения в соответствии с передовыми разработками в области криминалистической техники и их практическое внедрение в процессы досудебного расследования. Адекватное техническое обеспечение становится определяющим фактором успешного раскрытия и расследования преступлений по горячим следам.

© Жамсаранова Д. В., 2026

И. Д. Иванов,
курсант Волгоградской академии МВД России.
Научный руководитель: **И. А. Нифталиева**

ПЕРСПЕКТИВЫ КРИМИНАЛИЗАЦИИ НАРУШЕНИЯ ПРАВИЛ ОБРАЩЕНИЯ С ЖИВОТНЫМИ

Вопросы регулирования обращения с животными в городской среде приобретают все более острую социальную и правовую значимость. В условиях роста популяции домашних питомцев, включая породы, признанные потенциально опасными, неисполнение владельцами элементарных требований безопасности (использование намордника, поводка, надлежащее ограждение) трансформирует частную ответственность в публичную угрозу, подвергая риску жизнь и здоровье людей. Актуальность исследования обусловлена необходимостью разработки новых правовых механизмов, способных эффективно предотвращать тяжкие

последствия, возникающие в результате нарушений требований законодательства в области обращения с животными.

Проблема ненадлежащего содержания и бесконтрольного выгула животных в Российской Федерации является системной, о чем свидетельствуют многочисленные обращения граждан и данные региональных властей. Количественные показатели демонстрируют, что существующая система контроля не обеспечивает должного уровня общественной безопасности.

Тенденция к росту числа административных правонарушений и жалоб, зафиксированная в различных регионах страны, является доказательством того, что превентивная функция, возложенная на административное право (ст. 8.52 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях) [1], является недостаточной. Когда нарушение базовых требований безопасности приводит к необратимым последствиям – причинению тяжкого вреда здоровью или смерти человека – общество требует применения более строгих мер. Таким образом, наблюдается устойчивая связь между слабостью административной репрессии и объективной необходимостью перехода к уголовно-правовой карательной системе в случаях наступления тяжких последствий.

Центральным нормативным правовым актом, устанавливающим требования к содержанию животных в России, является Федеральный закон от 27.12.2018 № 498-ФЗ «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – ФЗ № 498-ФЗ) [2]. Статья 13 ФЗ № 498-ФЗ закрепляет общие требования к содержанию домашних животных, которые включают обязанность владельца обеспечивать безопасность граждан, а также соблюдать установленные требования при выгуле.

Закон устанавливает запрет на выгул потенциально опасной собаки без намордника и поводка, причем данный запрет действует независимо от места выгула. Единственное исключение предусмотрено для случаев, когда животное находится на огороженной территории, принадлежащей владельцу на законном основании (например, частный земельный участок). Однако даже в этом случае при входе на территорию обязательно должна быть размещена предупреждающая надпись о наличии собаки. Перечень пород, признанных потенциально опасными, утвержден постановлением Правительства Российской Федерации от 29.07.2019 № 974. Этот перечень включает 13 пород собак и их метисов, среди которых акбаш, американский бандог, гуль дог, волко-собачьи гибриды и другие [3].

Федеральный закон наделяет органы государственной власти субъектов Российской Федерации правом устанавливать дополнительные требования к содержанию домашних животных, в том числе к их выгулу. Например, в Москве действуют правила, запрещающие нахождение с собакой без поводка и намордника в магазинах, учреждениях, на детских площадках, рынках, пляжах и в общественном транспорте [4].

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в ч. 3 ст. 8.52 устанавливает ответственность за нарушение требований законодательства в области обращения с животными, повлекшее причинение вреда жизни или здоровью граждан либо имуществу, если эти действия не содержат признаков уголовно наказуемого деяния. Деяние влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от 10 тыс. до 30 тыс. руб., на должностных лиц – от 50 тыс. до 100 тыс. руб., на юридических лиц – от 100 тыс. до 200 тыс. руб.

В настоящее время, когда нападение животного, вызванное небрежностью владельца, приводит к тяжкому вреду здоровью человека, применяется общая норма – ч. 1 ст. 118 «Причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности» Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). Санкция данной статьи предусматривает наказание вплоть до ареста на срок до шести месяцев. В случае причинения смерти по неосторожности применяется ст. 109 УК РФ, максимальное наказание по которой составляет лишение свободы на срок до двух лет.

Квалификация по общим статьям уголовного законодательства является юридически возможной. Однако возникают сомнения в действенности данных уголовно-правовых средств. Это обусловлено двумя ключевыми проблемами. Так, ст. 109 и 118 УК РФ не отражают специфики преступления, которое совершается из-за нарушения специальных, публично установленных обязанностей, связанных с контролем за источником повышенной опасности (животным). Нарушение установленных правил должно быть отражено в специальной норме, как это сделано в случае с иными видами преступлений.

Кроме того, максимальное наказание, предусмотренное ст. 118 УК РФ (арест до 6 месяцев за тяжкий вред) и ст. 109 УК РФ (до 2 лет лишения свободы за смерть), не соответствует общественной опасности деяния. Введение специальной нормы с более строгими санкциями необходимо для усиления карательной и, что более важно, превентивной функции уголовного закона.

Введение новой специальной статьи в УК РФ является необходимым шагом для обеспечения системности уголовного законодательства и адекватной защиты прав граждан.

Во-первых, новая норма должна быть специальной по отношению к общим статьям УК РФ (ст. 109 и 118). Специализация позволит отразить повышенную общественную опасность деяния, заключающуюся в нарушении специальных предписаний (бланкетность), и установить соразмерное тяжести последствий наказание.

Во-вторых, установление уголовной ответственности за нарушение правил содержания животных согласуется с общей уголовно-правовой доктриной. Как уже отмечалось, преступления, связанные с несоблюдением правил обращения с объектами, создающими повышенный риск, традиционно вынесены в специальные главы УК РФ. Домашние животные, особенно те, которые включены в перечень потенциально опасных, представляют собой источник повышенной опасности, требующий специального правового регулирования как в административном, так и в уголовном порядке.

В-третьих, статистические данные, подтверждающие высокий уровень жалоб и административных нарушений, являются прямым основанием для признания существующего уровня ответственности недостаточным. Уголовно-правовое вмешательство необходимо для повышения уровня ответственности владельцев и предотвращения необратимых последствий.

Таким образом, предлагается дополнить УК РФ новыми нормами, устанавливающими уголовную ответственность за нарушение правил обращения с животными, повлекшее по неосторожности тяжкие последствия.

Список библиографических ссылок

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 06.09.2025). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 03.10.2025).

2. Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 27.12.2018 № 498-ФЗ (ред. от 08.08.2024). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_314646/ (дата обращения: 03.10.2025).

3. Об утверждении перечня потенциально опасных собак: постановление Правительства РФ от 29.07.2019 № 974. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_330206/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/ (дата обращения: 03.10.2025).

4. Выгул собак в наморднике: право или обязанность владельца. URL: <https://www.mos.ru/news/item/88213073/> (дата обращения: 12.10.2025).

© Иванов И. Д., 2026

КВАЛИФИКАЦИЯ ДИПФЕЙК-МОШЕННИЧЕСТВА И КИБЕРПОХИЩЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА

Прогресс в области искусственного интеллекта неизбежно приводит к эволюции цифровой преступности – появляются ранее неизвестные виды противоправных деяний, которые не имеют прямого отражения в действующем уголовном законодательстве России.

Среди принципиально новых форм киберпреступлений можно выделить применение дипфейк-технологий для мошеннических действий, а также киберпохищение человека – манипулятивное принуждение лица покинуть место жительства и скрыться от близких с последующим требованием выкупа за его «освобождение».

Общественная опасность подобных деяний уже получила признание на законодательном уровне. Однако существующая правовая база позволяет квалифицировать такие преступления лишь частично: действующие нормы уголовного закона не в полной мере отражают все признаки состава преступления, особенно в части его объективной стороны.

Киберпространство стало ключевым элементом современной жизни общества и государства, а технологические инновации привели к масштабным изменениям в экономике и праве. За короткое время появились новые продукты и услуги, основанные на уникальной коммуникационной инфраструктуре, что открыло возможности ранее немыслимые. Однако эти изменения сопровождаются ростом цифровой преступности, в частности, в сфере использования искусственного интеллекта и дипфейк-технологий.

Дипфейки (поддельные изображения, видео или аудио, созданные с помощью ИИ) стали инструментом для совершения мошенничества. Например, преступники используют поддельные голоса и изображения, чтобы убедить людей перевести деньги. Такие преступления сложно раскрывать, а их квалификация в рамках действующего законодательства часто вызывает трудности. В настоящее время действия с использованием дипфейков могут квалифицироваться как мошенничество (ст. 159 УК РФ) или мошенничество в сфере компьютерной информации (ст. 159.6 УК РФ), если они связаны с вмешательством в работу компьютерных систем. Однако отсутствие специального регулирования затрудняет борьбу с этими преступлениями.

Еще одной новой формой киберпреступности стало «киберпохищение человека». Преступники убеждают жертву покинуть место жительства и скрыться от родственников, после чего требуют выкуп у близких. В 2023 г. в США был зафиксирован случай, когда подростка заставили сбежать из дома, угрожая его семье. Аналогичные случаи начали появляться в России, где жертвами часто становятся пожилые люди, которые теряют сбережения и берут кредиты для выплаты выкупа. Квалификация таких деяний также вызывает сложности. С одной стороны, это может быть мошенничество, с другой – незаконное лишение свободы (ст. 127 УК РФ) в сочетании с вымогательством (ст. 163 УК РФ). Однако традиционные нормы не полностью охватывают специфику этих преступлений, так как отсутствует физическое удержание жертвы.

Для решения возникших сложностей квалификации данных правонарушений следует рассмотреть пути совершенствования законодательства в данной области:

- Предлагается ввести уголовную ответственность за использование дипфейк-технологий при посягательствах на отношения собственности либо включить этот признак в качестве квалифицирующего в существующие составы преступлений.
- Законодательное определение дипфейков может помочь в правоприменительной практике, хотя их создание само по себе не является преступлением.

- Необходимо разъяснение Пленума Верховного Суда РФ относительно объективной стороны незаконного лишения свободы, включая действия, связанные с обманом и убеждением потерпевшего покинуть место проживания.
- Следует уточнить, что дистанционное воздействие через ИКТ может входить в состав этого преступления.
- Введение отягчающего обстоятельства за использование ИИ при совершении преступлений, аналогично применению оружия.
- Развитие компьютерной криминалистики и обмен данными с другими странами, несмотря на ограничения международного сотрудничества.

Так или иначе, увеличивающаяся общественная опасность указанных преступлений и трансформация видов преступной деятельности требуют срочной реакции если не законодателя, то научного сообщества однозначно. При таких обстоятельствах можно рассмотреть два пути адаптации уголовного законодательства к современным реалиям киберпреступности: кардинальный и более осторожный. К первому можно отнести введение уголовной ответственности (как это предлагается некоторыми депутатами) за использование технологий искусственного интеллекта при совершении преступлений против собственности в отдельной норме либо в качестве квалифицирующего признака таких преступлений. Второй путь, который представляется нам оптимальным, – это разъяснения Пленума Верховного Суда РФ (например, в Постановлениях от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» и от 24.12.2019 № 58 «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми»). В частности, такие разъяснения могут затронуть вопросы объективной стороны незаконного лишения свободы, к которой могут быть отнесены действия, связанные с обманом и убеждением потерпевшего покинуть место проживания самостоятельно и добровольно, без помощи виновного лица скрываться от родственников и находиться в выбранном месте без средств связи и без участия виновного лица. Кроме того, следует разъяснить, что обман и угрозы, высказываемые потерпевшему дистанционно с использованием информационно-коммуникационных технологий, также входят в объективную сторону состава незаконного лишения свободы.

Помимо этого следует разъяснить, что применение технологий искусственного интеллекта (дипфейков) может являться способом совершения мошенничества или иного хищения имущества, причем в каждом конкретном случае необходимо устанавливать факт использования синтезированного голоса или изображения экспертным путем.

Предлагаемые меры позволят сформировать единообразную, а не фрагментарную судебную практику в вопросах противодействия киберпреступности, особенно в условиях недостающих правовых компетенций правоохранительной системы.

© Козырева В. А., 2026

М. М. Котиева,
курсант Волгоградской академии МВД России.
Научный руководитель: **Е. Е. Шавкарова**

ИННОВАЦИОННЫЕ ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ

Стремительная цифровизация общественных отношений обуславливает принципиальное изменение криминальной среды: все большая доля преступлений совершается с использованием информационно-коммуникационных технологий и оставляет цифровые следы, имеющие доказательственное значение. В этих условиях возникает объективная необходимость в модернизации инструментария следователя, внедрении в практику рассле-

дования инновационных цифровых технологий, способных существенно повысить качество и оперативность производства предварительного следствия.

Среди наиболее перспективных направлений выделяется применение технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ) в процессе анализа цифровых доказательств. Системы машинного обучения позволяют автоматизировать распознавание образов на видеозаписях, идентификацию лиц, классификацию массивов изъятых данных [1, с. 45]. Показательно, что следственные органы ряда субъектов Российской Федерации уже апробировали программные комплексы автоматической обработки видеозаписей с камер наблюдения, что позволило сократить время идентификации подозреваемых в среднем втрое [2, с. 78].

Отдельного внимания заслуживают технологии блокчейн в сфере обеспечения достоверности и неизменности процессуальных документов. Децентрализованные реестры исключают возможность фальсификации сведений о времени и содержании фиксации доказательств, что приобретает особое значение применительно к электронным доказательствам – цифровым следам, компьютерным файлам, данным геолокации [3, с. 112]. Фиксация хэш-суммы файла в распределенном реестре способна стать надежным инструментом верификации доказательственной базы в суде.

Существенный потенциал для деятельности следователя представляет применение технологий больших данных (Big Data) при расследовании серийных преступлений и организованной преступной деятельности. Корреляционный анализ разрозненных информационных массивов – сведений о транзакциях, данных абонентов сотовых сетей, истории браузеров – позволяет выявлять устойчивые закономерности преступного поведения, устанавливать связи между участниками преступных групп, формировать следственные версии на основе статистически значимых паттернов [4, с. 23].

Перспективным представляется и использование дронов (беспилотных летательных аппаратов) при производстве осмотра места происшествия. Аэрофотосъемка, выполняемая БПЛА, обеспечивает получение детальной трехмерной модели места события, фиксацию следов преступления в труднодоступных районах, а также своевременное обнаружение криминалистически значимых объектов [5, с. 156]. Применение данной технологии особенно востребовано при расследовании дорожно-транспортных происшествий, пожаров, экологических преступлений.

Нельзя не упомянуть и о технологии дополненной реальности (AR), открывающей принципиально новые возможности при производстве следственного эксперимента и предъявления для опознания. Трехмерная реконструкция места преступления с наложением AR-слоя позволяет следователю и суду воспринять механизм события в интерактивном режиме, повышая наглядность и воспроизводимость значимых обстоятельств [2, с. 84].

Вместе с тем внедрение цифровых технологий в следственную деятельность сопряжено с рядом правовых и организационных проблем. Процессуальный порядок получения, фиксации и хранения цифровых доказательств остается недостаточно урегулированным: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации не содержит специальных норм о порядке изъятия и исследования электронных носителей информации применительно к новейшим форматам данных [6, с. 34]. Кроме того, существенным сдерживающим фактором выступает дефицит цифровых компетенций у значительной части следственного аппарата.

Для преодоления обозначенных препятствий представляется целесообразным реализовать комплекс мер: во-первых, разработать и принять специальный нормативный правовой акт, регламентирующий порядок работы следователя с цифровыми доказательствами; во-вторых, включить в программы профессиональной подготовки сотрудников следственных подразделений МВД России модули цифровой криминалистики и компьютерной экспертизы; в-третьих, организовать межведомственное взаимодействие следственных органов с профильными IT-структурами на постоянной основе.

Подводя итог, следует констатировать, что интеграция инновационных цифровых технологий в деятельность следователя является не дискуссионной перспективой, а насущной практической необходимостью. Эффективное использование ИИ, блокчейна, больших

данных, БПЛА и дополненной реальности способно радикально изменить качество расследования, сократить его сроки и обеспечить формирование доказательственной базы, соответствующей современным стандартам. Системная реализация данного направления требует скоординированных усилий законодателя, ведомственных структур и академического сообщества.

Список библиографических ссылок

1. Бегишев И. Р., Бикеев И. И. Искусственный интеллект в уголовном судопроизводстве: теория и практика // Всероссийский криминологический журнал. 2023. Т. 17. № 2. С. 40–52.
2. Россинская Е. Р. Цифровые следы преступлений: понятие, виды, особенности работы следователя // Lex Russica. 2023. Т. 76. № 5. С. 75–90.
3. Семикаленова А. И. Блокчейн как инструмент верификации цифровых доказательств в уголовном процессе // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2024. № 1 (29). С. 108–118.
4. Александров А. С., Поздняков М. Л. Большие данные в расследовании организованной преступности: криминалистический потенциал // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2022. № 4. С. 18–29.
5. Ищенко Е. П., Ищенко П. П. Применение беспилотных летательных аппаратов при производстве следственных действий // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 3. С. 152–160.
6. Зуев С. В. Правовое регулирование электронных доказательств в уголовном судопроизводстве России: современное состояние и перспективы // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. № 3 (34). С. 30–39.

© Котиева М. М., 2026

Я. А. Лотикова,
курсант Волгоградской академии МВД России.
Научный руководитель: **О. В. Стрилец**

ОСОБЕННОСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРИ ЭКСПЛУАТАЦИИ СРЕДСТВ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ

Правила дорожного движения РФ (далее – ПДД РФ) в 2023 г. были дополнены некоторыми пунктами. Одно из нововведений – это появление такого вида транспортного средства как средства индивидуальной мобильности (далее – СИМ), которое стало полноправным участником дорожного движения. В данном нормативном правовом акте представлено определение СИМ и общие правила его использования [1].

В настоящее время весьма актуально использование СИМ. Первые СИМ в России появились в 2015–2016 гг. как транспорт для досуга, это были гироскутеры. Ввиду небезопасности, высокого риска травм и сложности управления этот вид транспорта потерял свою актуальность. После этого стали распространяться электросамокаты.

Настоящий сегмент является перспективным направлением на российском рынке с большим потенциалом и нарастающей вероятностью роста конкурентной борьбы. К СИМ относятся электросамокаты, моноколеса, гироскутеры и иные аналогичные средства. В большей мере ими пользуются несовершеннолетние. Чаще всего СИМ применяются для быстрого перемещения или развлечения.

Причинами актуальности СИМ выступают:

- Ценовой фактор. Экономия на поездках выступает существенным плюсом, если сравнивать с личным автомобилем. СИМ стоит значительно меньше, также не требуется его

страхование, нет необходимости в покупке дорогого топлива и не нужно оплачивать транспортный налог.

- Экологичность. При использовании СИМ не выбрасываются в окружающую среду вредные вещества и практически не выделяются твердые частицы, что, несомненно, защищает природу.

- Удобство в использовании. Для использования такого вида транспорта не нужно прикладывать физические усилия, если сравнивать с обычными самокатами, велосипедами. В сравнении с автомобилями управление достаточно простое.

- Высокая маневренность и мобильность. Можно легко управлять транспортом, подъезжать непосредственно к нужному месту, парковаться ко входу.

Однако вместе с ростом популярности возникает необходимость решать проблемы обеспечения безопасности подростков при использовании СИМ. Так, несовершеннолетние часто пренебрегают ПДД РФ при езде на данном виде транспорта, в связи с чем увеличивается число дорожно-транспортных происшествий (далее – ДТП), за первые шесть месяцев 2025 г. в России почти на 10 % выросло количество ДТП с участием электросамокатов и других СИМ [2]. Поэтому следует разработать рекомендации по обеспечению транспортной безопасности несовершеннолетних при использовании СИМ.

Для начала стоит проанализировать отличительные черты использования СИМ несовершеннолетними. Так, к ним относятся:

- высокая скорость езды;
- малая защищенность при езде;
- практически незаметный участник дорожного движения в ночное время из-за малых размеров и т. д.

Из данного перечня вытекают некоторые причины возникновения опасностей. Так, самыми частыми предпосылками совершения ДТП с использованием СИМ являются чрезмерное превышение скорости; езда в состоянии алкогольного или наркотического опьянения; полное игнорирование сигналов светофора и знаков дорожного движения; использование гаджетов во время езды, что способствует потери концентрации во время перемещения; движение в запрещенных местах, что несет опасность как для пешеходов, так и для самих управляющих данными средствами; использование СИМ без специальной защитной экипировки, шлема и наколенников [3].

Одной из самых распространенных причин нарушения ПДД РФ выступает не только незнание самих норм нормативного правового акта, но и то, что многие пользователи СИМ считают, что ПДД РФ к ним никак не относятся, а только к водителям механических транспортных средств.

Для решения настоящей проблемы стоит предпринять определенные меры. На законодательном уровне необходимо внести изменения в различные нормативные правовые акты, регламентирующие вопросы использования СИМ, к примеру, в Федеральный закон «О транспортной безопасности» от 09.02.2007 № 16-ФЗ [4].

Государственные меры могут выражаться в:

- создании специальной дорожки для СИМ. Данное действие поспособствует тому, что СИМ практически перестанет появляться на дороге;
- создании специальной инфраструктуры, чтобы для данного транспорта существовали парковочные места, пункты для подзарядки, что, несомненно, улучшит ситуацию, ведь будет гораздо меньше пересечений с другими видами транспорта и пешеходами;
- создании специализированных площадок для тренировок и т. д.

Важно рассмотреть вопрос о возможности привлечения лица, управляющего СИМ, к уголовной ответственности. Стоит задуматься о введении состава преступления с административной преюдицией в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ), т. е. привлечение лица к ответственности, которое ранее подвергалось административному наказанию за правонарушения в области дорожного движения с применением СИМ. Так, если уже была нарушена ч. 2 ст. 12.30 Кодекса Российской Федерации об администра-

тивных правонарушениях (далее – КоАП РФ) за несоблюдение правил дорожной безопасности и в случае получения потерпевшим легкого или среднего вреда здоровью, стоит применять норму уголовного законодательства [5]. Необходимо применение наказания, предусмотренного УК РФ, за повторное нарушение ст. 12.29 КоАП РФ, так как нарушение правил дорожного движения чаще всего является причиной ДТП.

Подводя итог, стоит отметить, что проблема нарушения ПДД РФ лицами, использующими СИМ, является немаловажной и весьма острой на данный момент, в связи с чем требует незамедлительного решения. Важно сказать, что необходим комплексный подход, который включал бы в себя различные методы, как со стороны законодательного регулирования, так и с позиции развития транспортной инфраструктуры. Только так возможно обеспечить безопасность всех участников дорожного движения.

Список библиографических ссылок

1. О Правилах дорожного движения: постановление Правительства РФ от 23.10.1993 № 1090 (ред. от 16.07.2025). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2709/?ysclid=mqgjct7xjc545355685 (дата обращения: 04.10.2025).

2. О транспортной безопасности: федер. закон от 09.02.2007 № 16-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_66069/?ysclid=mqgjfd0uan252369878 (дата обращения: 04.10.2025).

3. Стрилец О. В. Лицо, управляющее средством индивидуальной мобильности, как субъект транспортного преступления // Актуальные вопросы уголовного права и предварительного расследования на современном этапе: сб. науч. трудов / редколлегия: Н. Н. Бугера, В. А. Канубриков, А. М. Басханов. Волгоград: ВА МВД России, 2025. С. 106–109.

4. В России выросло число жертв ДТП с электросамокатами. URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2025/07/31/26395760.shtml> (дата обращения: 04.10.2025).

5. Прокурор разъясняет. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_14/activity/legal-education/explain?item=95202205 (дата обращения: 17.09.2025).

© Лотикова Я. А., 2026

Е. Д. Миронова,
курсант Волгоградской академии МВД России.
Научный руководитель: **Е. С. Шемет**

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНЫХ САНКЦИЙ В СФЕРЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ: АНАЛИЗ ЭФФЕКТИВНОСТИ

Актуальность работы обусловлена тем, что сфера здравоохранения является чрезвычайно важной для обеспечения благополучия населения, и ее регулирование требует эффективных средств контроля. Административные санкции как одно из таких средств предназначены обеспечивать соблюдение установленных норм и стандартов, однако их эффективность иногда вызывает вопросы. Данная работа направлена на анализ проблем и перспектив применения административных санкций в сфере здравоохранения и оценку их влияния на обеспечение качества и доступности медицинской помощи.

Цель данной работы – определить ключевые проблемы и оценить эффективность применения административных санкций в сфере здравоохранения, а также определить перспективы совершенствования механизмов их применения для повышения качества и доступности медицинской помощи.

Административные санкции в сфере здравоохранения представляют собой меры воздействия, направленные на обеспечение соблюдения норм и правил в медицинской области. Эти меры применяются как к физическим, так и к юридическим лицам, нарушившим законодательство, регулирующее деятельность в данной сфере. В Российской Федерации правовая база применения административных санкций закреплена в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ). Основной целью этих санкций является защита прав пациентов, обеспечение безопасности медицинских услуг и поддержание высокого уровня профессиональной деятельности медицинских работников и организаций. Административное право в первую очередь регулирует правоотношения в сфере управления здравоохранением, включая санитарно-эпидемиологическое благополучие населения [1, с. 94].

Правовое регулирование административных санкций в сфере здравоохранения играет ключевую роль в обеспечении соблюдения стандартов оказания медицинских услуг и защиты прав пациентов. Основным нормативным правовым актом, регулирующим эту область, является Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Этот закон определяет права пациентов, обязанности медицинских организаций и основания для применения к ним административных санкций. Еще одним важным документом является Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ), который содержит статьи, касающиеся нарушений в области здравоохранения, а именно ст. 6.3. «Нарушение законодательства в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения», ст. 6.30. «Невыполнение обязанностей об информировании граждан о получении медицинской помощи в рамках программы государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи и территориальных программ государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи», ст. 6.31. «Нарушение законодательства о донорстве крови и ее компонентов», ст. 6.32. «Нарушение требований законодательства в сфере охраны здоровья при проведении искусственного прерывания беременности» и т. д. Важно отметить, что в 2020 г. было зафиксировано более 1,5 тыс. случаев наложения административных штрафов на медицинские учреждения за несоблюдение санитарных норм, что подчеркивает актуальность и необходимость строгого контроля в этой сфере.

Эффективность административных санкций в сфере здравоохранения оценивается по их влиянию на соблюдение законодательства и улучшение качества медицинских услуг. Согласно отчету Росздравнадзора за 2022 г. было выявлено более 25 тыс. нарушений, что подтверждает необходимость контроля. В 2021 г. сумма наложенных штрафов составила более 1,5 млрд руб., что указывает на значительный масштаб воздействия административных мер. Исследования показывают, что 45 % медицинских организаций, подвергшихся санкциям, улучшили качество своих услуг в течение года, что свидетельствует о положительном влиянии штрафов на соблюдение стандартов.

Несмотря на положительные аспекты применения административных санкций, существуют проблемы, которые ограничивают их эффективность. Одной из ключевых проблем является недостаточная детализация законодательных норм, что приводит к субъективности в принятии решений. Кроме того, финансовые трудности медицинских учреждений нередко препятствуют своевременной оплате штрафов, создавая дополнительные сложности.

Согласно данным Росздравнадзора только 30 % выявленных нарушений в сфере здравоохранения завершаются административными наказаниями. Это указывает на низкую практическую применимость существующих санкций и подчеркивает необходимость их модернизации для повышения эффективности. С другой стороны, неравенство возможностей населения в развитых и развивающихся странах продолжает оставаться основным препятствием для массового доступа к эффективной медицинской помощи [2, с. 3].

В США действует система лицензирования, при которой повторные нарушения могут привести к временной или постоянной потере лицензии. Этот механизм значительно снижает количество правонарушений, так как медицинские работники осознают серьезность последствий. Подобные меры также применяются в других странах, где нарушения в области здра-

воохранения могут повлечь за собой серьезные штрафы. Таким образом, системы наказаний и лицензирования, действующие в разных странах, выступают эффективным инструментом для обеспечения соблюдения стандартов в медицинской практике.

Применение системы штрафов, аналогичной немецкой, в России может стать эффективным инструментом для стимулирования соблюдения медицинских стандартов. Установление штрафов, соразмерных уровню угрозы, усилит ответственность медицинских работников.

Совершенствование в сфере здравоохранения является важным шагом для обеспечения качества медицинских услуг и защиты прав пациентов. Одним из основных направлений улучшения является усиление ответственности за нарушения медицинских стандартов, что было закреплено в принятом в 2021 г. законе, направленном на регулирование медицинской деятельности. Этот закон предусматривает меры, которые способствуют повышению уровня безопасности и качества предоставляемых медицинских услуг. Кроме того, статистика Росздравнадзора за 2020 г., указывающая на более чем 15 тыс. выявленных нарушений в медицинских учреждениях, подчеркивает необходимость дальнейшего совершенствования нормативной базы. Важно учитывать международный опыт, например, немецкий подход, который предполагает дифференциацию санкций в зависимости от степени вины и последствий нарушения. Интеграция подобных методов в российское законодательство может способствовать более справедливому и эффективному применению административных санкций в здравоохранении.

В ходе исследования были выявлены основные проблемы, связанные с применением административных санкций в сфере здравоохранения. В частности, было установлено, что действующие меры не всегда обеспечивают должный уровень защиты прав пациентов и качества предоставляемых медицинских услуг. Это связано с недостаточной детализацией законодательных норм и отсутствием эффективных механизмов контроля их соблюдения. Анализ международного опыта показал, что применение административных санкций может быть более успешным при условии внедрения гибких и дифференцированных подходов. Например, система штрафов, применяемая в Германии, и строгая система лицензирования, действующая в США, демонстрируют высокую эффективность в снижении числа нарушений. Для повышения эффективности административных санкций в российской практике предложено пересмотреть существующие подходы, адаптируя лучшие международные практики к национальным условиям. Это включает внедрение более строгого контроля соблюдения медицинских стандартов, усиление ответственности медицинских учреждений и работников, а также разработку четких механизмов защиты прав пациентов.

Список библиографических ссылок

1. Глущенко А. Н. К вопросу об административно-правовом регулировании здравоохранения в Российской Федерации // Вестник ЮУрГУ. 2012. № 29. С. 93–94.

2. Боришполец К. П. Здравоохранение в международной повестке дня // Международные отношения в XX–XXI вв.: IV Чемпаловские чтения, посвященные 75-летию Победы в Великой Отечественной войне и 75-летию окончания Второй мировой войны: сб. науч. ст. и сообщений Всероссийской науч. конференции (Екатеринбург, 17-18 декабря 2020 г.). Екатеринбург: Издательство УМЦ УПИ, 2020. С. 245–252.

Библиографический список

1. Рабец А. М. К вопросу о формировании и дальнейшем развитии понятия медицинского права в Российской Федерации / А. М. Рабец // Вестник Московского университета им. С. Ю. Витте. – Серия 2: Юридические науки. – 2013. – № 1 (1). – С. 16–21.

2. Щербакова А. А. Институциональные аспекты инновационного развития здравоохранения / А. А. Щербаков // Проблемы развития территории. – 2015. – Вып. 4 (78). – С. 46–47.

© Миронова Е. Д., 2026

РЕАБИЛИТАЦИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Важным элементом любого правового государства является создание гарантий законности и справедливости системы правосудия.

В соответствии со ст. 1 и 2 Конституции РФ Российская Федерация является демократическим правовым государством, где «человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства» [1]. Эта роль защиты прав и свобод граждан также отражена в ст. 53 Конституции РФ, где закреплено, что «каждый имеет право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц».

В уголовном судопроизводстве конституционные гарантии реализуются посредством института реабилитации, что детерминирует его особую роль в правовой системе России.

В повседневной реальности не исключены случаи профессиональных ошибок, допущенных судом, органами предварительного расследования и прокуратурой, в результате чего люди оказываются жертвами незаконного и (или) необоснованного уголовного преследования. Так, данные случаи могут повлечь широкий спектр негативных последствий для личности: не только утрату материальных благ, но и ущерб деловой репутации, доброму имени и т. д. В данном случае государство должно признавать за собой необходимость публичного реагирования и устранения правовых ошибок.

Институт реабилитации призван выполнять эту задачу, выступая компенсаторным механизмом правовой системы России. М. И. Пастухов в одном из своих трудов отмечал, что процесс реабилитации «это всегда торжество правды и справедливости в уголовном судопроизводстве» [2], указывая на философскую природу данного института.

Кроме того, в ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ) закреплены следующие назначения уголовного судопроизводства: защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод, отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию. Данное положение также подтверждает необходимость существования института реабилитации. Основные положения, связанные с данным институтом, закреплены в гл. 18 УПК РФ, однако механизм правового регулирования реабилитации не ограничивается лишь вышеуказанной главой. Важные аспекты содержатся и в пп. 34 и 3 ст. 5 УПК РФ, закрепляющих дефиниции понятий «реабилитация» и «реабилитированный», а в ч. 3 ст. 302 УПК РФ устанавливается субъект уголовного судопроизводства, который имеет право на реабилитацию [3].

Несмотря на правовое закрепление, определение понятия «реабилитация» является дискуссионным вопросом в отечественной уголовно-правовой науке. Так, Л. В. Бойцова рассматривает реабилитацию как «возвращение утраченных прав и преимуществ, ликвидацию правоограничений, связанных с незаконным привлечением к уголовной ответственности, лишением свободы, неоправданным осуждением невиновных лиц, незаконным применением принудительных мер медицинского характера, а также восстановление правоспособности на будущее время» [4]. Данная точка зрения в целом соответствует законодательно закрепленному определению, отраженному в п. 34 ст. 5 УПК РФ, согласно которому реабилитация есть «порядок восстановления прав и свобод лица, незаконно или необоснованно подвергнутого уголовному преследованию, и возмещения причиненного ему вреда». Данное определение рассматривает реабилитацию как непосредственно восстановительный компенсаторный процесс.

Б. Т. Безлепкина же считает, что реабилитация – это «оправдание судом подсудимого или прекращение уголовного дела в отношении осужденного, обвиняемого, а также подозреваемого, за отсутствием события или состава преступления, ввиду недоказанности участия обвиняемого в совершении преступления, а равно по другим основаниям, представляющим собой различные варианты перечисленных условий и обстоятельств» [5]. Исходя из данного определения, реабилитация представляет собой непосредственно процесс оправдания лица.

Однако стоит учитывать двойственность природы данного института, где реабилитация не только влечет за собой прекращение уголовного дела и оправдание лица, но и возникновение правовых последствий в виде возмещения различных форм причиненного ущерба. Так, в общей форме сущность реабилитации можно представить в виде признания правовой несостоятельности обвинения с последующим возмещением причиненного вреда.

Как уже было отмечено ранее, в уголовно-процессуальном законе закреплён порядок реабилитации, который отражает все существенные условия, позволяющие реализовать его в правоприменительной практике. Несмотря на это, анализ статистических показателей позволяет сделать вывод, что доля обратившихся за возмещением морального, имущественного и иного вреда в общем проценте реабилитированных лиц значительно уменьшается. Так, в 2020 г. право на реабилитацию признано в отношении 3 230 лиц, в 2022 г. – в отношении 3 062 лиц, в 2023 г. – 2 939 лиц, в 2024 г. – 2 469 лиц. Однако число лиц, обратившихся за реализацией данного права, значительно меньше: в 2020 г. – 32 %, в 2021 г. – 64 % [6], последующие несколько лет процент обращения был значительно меньше общего процента признания права на реабилитацию. Данная статистика может свидетельствовать о несовершенствах системы реабилитации, которые препятствуют лицам в восстановлении их нарушенных прав.

Кроме того, на практике в ходе осуществления процессуального порядка реализации права на реабилитацию возникает ряд проблем, требующих комплексного решения. Так, не редко возникают трудности в определении исчерпывающих объемов компенсации материального ущерба. В судебной практике Верховного суда отражен прецедент, подтверждающий наличие данной проблемы. В 2023 г. в отношении определенного лица было прекращено уголовное дело за отсутствием в деянии состава преступления, в результате чего за ним было признано право на реабилитацию. Реализуя данное право, реабилитированный подал ходатайство о возмещении имущественного ущерба, полученного вследствие оплаты адвокатских услуг. Постановлением районного суда ходатайство было удовлетворено частично, ссылаясь на то, что лицо наряду с оплатой адвокатских услуг производил ежемесячную фиксированную оплату в пользу Коллегии адвокатов областной адвокатской палаты. Апелляционным постановлением областного суда постановление районного суда оставлено без изменения. Для восстановления прав граждан был вынужден обратиться в Конституционный Суд РФ с жалобой, в которой оспаривал конституционность положений п. 4 ч. 1 ст. 135 УПК РФ, полагая, что данная норма позволяет суду при рассмотрении вопроса о возмещении реабилитированному лицу имущественного вреда уменьшать сумму такого возмещения, вопреки доказанному в судебном заседании размеру, действительно, понесенных этим лицом расходов. Конституционный Суд РФ вынес постановление № 41-П, в котором признал п. 4 ч. 1 ст. 135 УПК РФ не противоречащим Конституции РФ. Кроме того, Конституционный Суд РФ отметил, что высокая стоимость помощи, полученной от адвоката, не может быть поводом к сокращению объема прав реабилитированного. Несправедливо также снижение суммы возмещаемых затрат до размеров, которые представляются достаточными представителям причинителя вреда. Президиум Верховного Суда возобновил производство по делу по ходатайству реабилитированного о возмещении вреда реабилитированному ввиду новых обстоятельств [7].

Вместе с тем немалозначимой является проблема справедливой и достаточной оценки морального вреда. Так, в уголовном процессе компенсация данного вреда возможна лишь в виде официального извинения прокурора от имени Государства. Денежная же компенсация морального вреда рассматривается лишь в рамках гражданского судопроизводства, где лицу

необходимо обратиться с исковыми требованиями в суд. Возмещение морального и имущественного вреда, причиненного одной ошибкой, возможно лишь при двукратном обращении в суд. Данное разделение порядка компенсации затрудняет и осложняет процесс реабилитации.

Актуальной проблемой является и решение вопроса о компенсации вреда психическому здоровью лица, который выходит за пределы морального вреда [8]. Данный вред невозможно отнести к ущербу деловой репутации, доброму имени и другим подвидам морального вреда, так как он затрагивает специфический объект, а именно, душевное здоровье человека. Данный аспект не нашел никакого законодательного решения, что требует определенных правовых доработок. Так, незаконное или необоснованное привлечение к уголовной ответственности может в значительной мере затронуть нормальное психическое состояние лица. Материальный эквивалент возмещения вреда не способен в полной мере компенсировать психические потрясения лица. Данный вред нуждается в особых восстановительных мерах, которые не входят в рамки компенсации морального вреда.

Не менее важным является вопрос реабилитации несовершеннолетних лиц. Данная категория является наиболее психически уязвимой и нуждающейся в наибольшей правовой защите. Однако в уголовно-правовом законе не закреплены нормы, которые содержали бы особенности реабилитации несовершеннолетних, подвергнутых незаконному и необоснованному уголовному преследованию.

Совокупность указанных проблемных аспектов и анализ статистических показателей рассматриваемого института говорит о необходимости комплексных изменений в нем. Необходимой мерой для повышения эффективности института реабилитации представляется пересмотр и уточнение процедуры реабилитации, а также разработка новых положений, которые регулировали бы вопрос компенсации специфических видов вреда, причиненного лицу незаконным уголовным преследованием. Видится, что дальнейшее усовершенствование норм уголовно-процессуального законодательства будет гарантировать лицу полную доступность восстановительного механизма реабилитации в государстве.

Таким образом, институт реабилитации выступает важным элементом отечественной правовой системы, без которого нельзя в полной мере утверждать о реализации конституционных принципов в государстве. Стоит отметить, что на современном этапе, несмотря на положительные аспекты, система реабилитации не в полной мере отвечает запросам современного правового общества. Данный институт требует усовершенствования правовых механизмов, что позволит увеличить положительную динамику реализации восстановления прав, нарушенных незаконным и необоснованным уголовным преследованием.

Список библиографических ссылок

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 10.10.2025).
2. Пастухов М. И. Институт реабилитации: на пути к законодательному регулированию // Государство и право. 1993. №12. С. 56–62.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 10.10.2025).
4. Бойцова Л. В. Возмещение ущерба «жертвам правосудия» в России // Российская юстиция. 1994. № 6. С. 46.
5. Безлепкина Б. Т. Возмещение вреда, причиненного гражданину судебными органами: учеб. пособие. М.: Академия МВД СССР, 1979. С. 54.
6. Данные судебной статистики. URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8946> (дата обращения: 10.10.2025).
7. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2023). URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/practice/33172/> (дата обращения: 10.10.2025).

8. Васильева О. М., Минхаирова И. Ф. О некоторых проблемах института реабилитации в уголовном процессе // Актуальные проблемы современности: наука и общество. 2021. № 1 (30). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-problemah-instituta-reabilitatsii-v-ugolovnom-protsesse> (дата обращения: 11.10.2025).

© Михина Е. П., 2026

П. С. Муромцева,
курсант Волгоградской академии МВД России.
Научный руководитель: **Т. В. Яловенко**

ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ КАК ОСНОВА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Современный мир характеризуется беспрецедентной динамикой геополитических процессов, нарастанием межгосударственных противоречий и трансформацией угроз национальной безопасности. В этих условиях формирование устойчивой гражданской идентичности, глубокого патриотического сознания и готовности к защите Отечества становится не просто важным качеством личности, но и стратегически необходимой основой для любого суверенного государства.

Российская Федерация, столкнувшись с новыми вызовами, уделяет особое внимание укреплению духовно-нравственных основ общества и консолидации нации. Так, согласно Указу Президента РФ от 08.07.2019 № 327 [1] 2020 г. был объявлен Годом памяти и славы в целях сохранения исторической памяти и в ознаменование 75-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. А согласно Указу Президента РФ от 16.01.2025 № 28 2025 г. объявлен Годом защитника Отечества [2]. Последовательное внимание к роли защитников Родины в государственной политике и законодательстве является ярким свидетельством приоритетности патриотического воспитания.

В своих выступлениях и указах В. В. Путин неоднократно подчеркивал, что «патриотизм – это национальная идея России» [3]. Так, Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» прямо указывает на необходимость формирования патриотизма как одной из ключевых ценностей, обеспечивающих суверенитет и безопасность страны [4]. Цели государственной политики в области патриотического воспитания направлены на формирование у граждан высокого патриотического сознания, чувства верности своему Отечеству, готовности к выполнению гражданского долга и конституционных обязанностей по защите интересов страны.

Патриотизм представляет собой сложное социокультурное явление, включающее в себя любовь к Отечеству, верность традициям, готовность к самопожертвованию ради интересов страны. Это не просто эмоциональная привязанность, но также осознанная гражданская позиция, основанная на глубоком понимании истории, культуры и ценностей своего народа. Как отмечает В. В. Путин, «патриотизм – это не только любовь к Родине, но и ответственность за нее» [5].

Национальная безопасность, в свою очередь, определяется как состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, позволяющее обеспечить реализацию конституционных прав и свобод граждан, достойное качество и уровень их жизни, суверенитет, территориальную целостность и устойчивое развитие Российской Федерации [6].

Таким образом, связь патриотического воспитания и национальной безопасности проявляется в нескольких ключевых аспектах:

- формирование гражданской идентичности и единства;
- укрепление обороноспособности;
- сохранение исторической памяти и традиционных ценностей;
- противодействие информационным угрозам.

Фундамент патриотического сознания закладывается в раннем детстве и активно развивается на протяжении всего периода обучения. Именно поэтому в данном контексте особую роль играет воспитание, получаемое в образовательных организациях, о чем свидетельствует ст. 12.1 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [7]. Воспитание выступает обязательным элементом образовательного процесса, направленным на формирование всесторонне развитой личности, способной внести вклад в общество.

Как подчеркивает Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года, «воспитание должно быть направлено на формирование у детей высокого уровня духовно-нравственного развития, чувства патриотизма, гражданственности, уважения к памяти защитников Отечества» [8].

Патриотическое воспитание курсантов образовательных организаций МВД России – деятельность, которая формирует любовь к Родине, чувство долга перед страной и обществом, а также готовность служить и защищать интересы граждан.

А. С. Петелин, С. А. Волкова патриотическое воспитание курсантов (слушателей) образовательных организаций МВД России определяют следующим образом: «целенаправленное развитие индивидуального поведения как специфического способа человеческой деятельности, окрашенной патриотическими чувствами, основанными на общечеловеческих ценностях: справедливости, честности, порядочности и т. д. Особая ценность такого взгляда состоит в том, что он акцентирует внимание на человеке, который решает определенные профессионально-служебные задачи» [9, с. 60].

Как отмечает И. В. Мамытов, «особенности патриотического воспитания курсантов в образовательных организациях МВД России обусловлены спецификой будущей профессиональной деятельности и необходимостью формирования высокой мотивации к служению Отечеству» [10, с. 138].

Важной задачей патриотического воспитания является формирование и развитие морально-нравственных качеств, таких как честность, верность присяге, дисциплинированность и готовность к самопожертвованию. В этой связи патриотическое воспитание в ведомственных вузах МВД России приобретает не только общегражданский, но и профессионально-прикладной характер.

Образовательные организации системы МВД России активно реализуют комплексную программу патриотического воспитания. Эта работа охватывает как учебный процесс, так и внеучебную деятельность, интегрируя различные формы и методы.

В рамках учебного процесса курсанты изучают историю России, правовые основы государственности, основы идеологии и противодействия экстремизму. Особое внимание уделяется героическим страницам истории, в том числе Великой Отечественной войне, которая является неисчерпаемым источником примеров мужества и самоотверженности.

Как верно отмечает О. В. Демина, «патриотическому воспитанию отводится значительная роль в данном процессе, связано это с современной внешней угрозой деструктивного воздействия на российское общество, разрушением его мировоззренческого, идейного единства, уничтожением облика страны, фальсификацией истории» [11, с. 5].

Особое значение в современных условиях приобретает установление прочной связи между героическим прошлым Великой Отечественной войны и событиями специальной военной операции. Президент РФ В. В. Путин неоднократно подчеркивал, что мы вновь имеем дело с нацизмом, и наша задача – защитить Родину от этой угрозы. Эта преемственность позволяет курсантам осознать, что борьба за свободу и независимость России – это непрерывный процесс, требующий постоянной готовности и самоотверженности.

Ярчайшим и трагическим примером высшей степени патриотизма и готовности к самопожертвованию служат курсанты Донецкого филиала Волгоградской академии МВД России. В период с 19 по 22 февраля 2022 г. в условиях нарастающей угрозы и необходимости защиты мирного населения 648 курсантов старших курсов и 35 офицеров академии по приказу Министра внутренних дел Донецкой Народной Республики были направлены в подчинение

Отдельному батальону тактической группы ДНР «КАСКАД». Каждый четвертый сотрудник учебного заведения и более 80 % курсантов беспрекословно, по велению сердца, встали на защиту своей Родины.

В ходе выполнения боевых задач, защищая мирных граждан и отстаивая интересы своей Родины, 12 курсантов и 1 офицер Донецкого филиала Волгоградской академии МВД России отдали свои жизни. Их подвиг является воплощением истинного патриотизма, демонстрацией того, что патриотическое воспитание формирует не только знания, но и глубокую внутреннюю убежденность, готовность к самым тяжелым испытаниям. Эти молодые люди, не задумываясь, понялись на защиту Отечества, став примером для всех последующих поколений. Их имена навсегда вписаны в историю академии и всей страны как символы мужества, долга и беззаветной любви к Родине.

Таким образом, патриотическое воспитание в Российской Федерации – это многогранный и непрерывный процесс, охватывающий все сферы жизни общества и все возрастные категории граждан. Оно является не просто элементом идеологической работы, а системообразующим фактором национальной безопасности. Формируя у граждан глубокое чувство любви к Родине, историческую память, готовность к защите интересов государства, патриотическое воспитание обеспечивает внутреннюю устойчивость общества, его способность противостоять внешним и внутренним угрозам.

Особая роль в этом процессе принадлежит образовательным организациям, начиная с раннего возраста и заканчивая специализированными ведомственными вузами. Практика патриотического воспитания в таких учреждениях, включающая в себя сочетание учебной, научно-исследовательской и внеучебной работы, формирует не только профессиональные компетенции, но и высокие морально-нравственные качества, необходимые для служения Отечеству.

Героический подвиг курсантов Донецкого филиала Волгоградской академии МВД России, отдавших свои жизни в ходе специальной военной операции, является подтверждением эффективности и важности патриотического воспитания. Память о таких героях, их пример мужества и верности долгу, должны стать незыблемой основой для дальнейшего развития системы патриотического воспитания, обеспечивая тем самым прочную основу для национальной безопасности и суверенного будущего России.

Список библиографических ссылок

1. О проведении в Российской Федерации Года памяти и славы: указ Президента РФ от 08.07.2019 № 327. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=727672#ZOvUFMVXdSfqsYzY> (дата обращения: 10.10.2025).

2. О проведении в Российской Федерации Года защитника Отечества: указ Президента Российской Федерации от 16.01.2025 № 28. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_496189/ (дата обращения: 10.10.2025).

3. Путин В. В. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 01.12.2016 // Российская газета. 2016. № 273 (7135).

4. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 // Собрание законодательства РФ. 2022. № 46. Ст. 7996.

5. Путин В. В. Выступление на встрече с представителями общественности по вопросам патриотического воспитания 20.09.2012 // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/16478> (дата обращения: 10.10.2025).

6. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27 (часть II). Ст. 5351.

7. Об образовании в Российской Федерации: федер. закон от 29.12.2012 № 273–ФЗ (в ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. 2012. № 53 (часть I) ст. 7598.

8. Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденная распоряжением Правительства РФ от 29.05.2015 № 996-р (в ред. от 12.11.2020) // Собрание законодательства РФ. 2015. № 23. Ст. 3350.

9. Петелин А. С., Волкова С. А. Теоретико-методологическое обоснование патриотического воспитания курсантов и слушателей образовательных организаций системы МВД России // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2023. № 1 (298). С. 56–61.

10. Мамытов И. В. Особенности патриотического воспитания курсантов в образовательных организациях МВД России // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2017. № 1 (40). С. 138–142.

11. Демина О. В. Методы и приемы формирования патриотизма на занятиях по философии // Патриотизм будущего офицера: технологии, методы и средства формирования: сб. науч. Ст. Вузовской науч.-практ. конференции, 21 февраля 2023 г. / под общ. ред. А. Н. Гладкова. Пермь: ПВИ ВНГ РФ, 2023. С. 4–8.

© Муромцева П. С., 2026

С. А. Остапенко,
курсант Волгоградской академии МВД России.
Научный руководитель: **К. А. Попова**

АНАЛИЗ ТРАЕКТОРИЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ КУРСАНТОВ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В статье представлена новая модель траектории профессиональной подготовки курсантов, учитывающая современные требования и тенденции. Например:

- модель, основанная на компетентностном подходе, с учетом индивидуальных потребностей и возможностей курсантов;
- модель, интегрирующая различные этапы профессиональной подготовки (базовое образование, стажировки, повышение квалификации) в единую систему.

Профессиональная подготовка сотрудников полиции к действиям в особых условиях на сегодняшний момент является одним из приоритетных направлений в деятельности МВД России. В современном мире требования к профессиональной подготовке работников становятся все более высокими и разнообразными. Согласно статистике в МВД России в последние месяцы увеличилась нехватка личного состава, к 1 ноября уровень некомплекта личного состава достигнет 18,8 % от штатной численности, или 173,8 тыс. человек. Дефицит кадров связан с нежеланием молодежи идти в структуру МВД России по разным причинам: недостаточное финансирование, большое количество работы и недостаточная мотивация.

В разных источниках понятие «профессиональной подготовки» трактуется по-разному. Например, профессиональная подготовка сотрудников органов внутренних дел (ОВД) Российской Федерации – это организованный и целенаправленный процесс овладения и постоянного совершенствования профессиональных знаний, умений и навыков, необходимых для успешного выполнения задач, возложенных на ОВД. В наше время на начальных этапах профессиональной подготовки важным фактором является владение навыками действия в особых условиях лично или в составе подразделения. Современная обстановка в стране требует от сотрудников ОВД высокой гибкости и адаптивности, они должны уметь быстро адаптироваться к новым условиям, менять свои подходы и методы работы, учиться новым навыкам и знаниям.

Структура профессиональной подготовки включается в себя:

1. Раннюю профессиональную ориентацию молодежи на службу в органах внутренних дел (суворовские военные училища МВД России, лицеи, колледжи, кадетские классы с углубленной правовой и строевой подготовкой).

2. Специальное профессиональное обучение впервые принятых на службу сотрудников (центры профессиональной подготовки МВД России, образовательные организации МВД России).

3. Подготовку специалистов с высшим и средним специальным профессиональным образованием (образовательные учреждения высшего профессионального образования МВД России).

4. Повышение квалификации, профессиональную переподготовку, учебные сборы и стажировку.

5. Послевузовское профессиональное образование (адъюнктуры и докторантуры, создаваемые в образовательных учреждениях высшего профессионального образования и научных организациях МВД России, имеющих соответствующие лицензии).

6. Обучение в процессе оперативно-служебной деятельности (служебно-боевая и морально-психологическая подготовка).

Стадии профессиональной подготовки различают по разным критериям в зависимости от подхода исследования.

Первой стадией можно выделить адаптацию молодежи к профессиональной деятельности сотрудника МВД России. Основной задачей этой стадии является внедрение основ профессиональной деятельности, освоение профессиональных знаний и умений, развитие потребностей в профессиональной реализации. Эту задачу выполняют в учебные организации, развивающие раннюю профессиональную ориентацию молодежи, такие как суворовские военные училища МВД России, кадетские классы, лицеи и колледжи.

Основной задачей второй стадии является становление личности сотрудника МВД России. Эта стадия наступает во время обучения уже в высших учебных заведениях МВД России (центры профессиональной подготовки МВД России, образовательные организации МВД России). На этом этапе происходит изучение системы МВД России в более углубленном формате, развитие регулятивных и профессиональных навыков и механизмов деятельности сотрудников ОВД.

Цель третьей стадии – профессиональное развитие сотрудников ОВД. Эта стадия включает в себя повышение квалификации сотрудников, развитие навыков работы с инновационными технологиями и усовершенствование имеющихся знаний. К этой стадии можно отнести курсы повышения квалификации, профессиональную переподготовку.

Анализ стадий профессионального становления показывает, что в целом система логично и грамотно формирует кадровый резерв. Однако показатели статистики свидетельствуют, что на современном этапе существует кадровый голод среди сотрудников правоохранительных структур, что может привести к социально опасным явлениям. Это позволяет выдвинуть гипотезу, что в процессе профессионального становления существуют барьеры (фильтры), которые снижают количество пополняющих систему.

Анализ практики стадий профессионального развития курсантов (сотрудников) системы МВД России позволяет выявить угрозы, возникающие на каждой из этих стадий. При реализации обязанностей, возложенных на сотрудника законами и общением с гражданами, сотрудники и курсанты сталкиваются с психотравмирующими факторами, которые влияют на эмоциональное состояние человека и желание работать. А прохождение службы в особых условиях приводит к полной профессиональной дезориентации, низкой мотивации и желанию уйти со службы. Практика показывает, что на эмоциональное состояние сотрудника также влияют внешние факторы, исходящие из общества. Негативные последствия были бы значительно меньше, если бы сам сотрудник обладал определенными навыками психологического самоанализа и психологической саморегуляции непосредственно в момент профессиональных действий в эмоционально напряженной обстановке.

Таким образом, для улучшения качества профессиональной подготовки курсантов (сотрудников) МВД России требуется высококвалифицированные специалисты, способные не только научить будущего сотрудника основам службы, но и подготовить его психическое и моральное состояние к действиям в особых условиях.

Библиографический список

1. Карапузиков, А. А. Требования современного рынка труда к профессиональной подготовке и подготовка курсантов МЧС России к профессиональной деятельности / А. А. Карапузиков, Н. П. Мураев // Развитие рынка труда на современном этапе социально-экономических преобразований : сб. ст. VI Всероссийской науч.-практ. конференции, Пенза, 27–28 июня 2023 г. / Под научной редакцией Ф. Е. Удалова, В. В. Бондаренко. – Пенза : Пензенский государственный аграрный университет, 2023. – С. 19–23.

2. Вавилов, В. В. Основные причины и факторы, влияющие на качество преподавания и подготовки курсантов по предметам военно-профессиональной подготовки / В. В. Вавилов, В. Г. Трусков // Академический вестник войск национальной гвардии Российской Федерации. – 2020. – № 4. – С. 27–30.

3. Чертовикова, А. С. Взаимосвязь эмоционального выгорания и профессиональной мотивации у сотрудников правоохранительных органов на этапе их подготовки / А. С. Чертовикова, С. Н. Феклистова // Медико-биологические, клинические и социальные вопросы здоровья и патологии человека : матер. XI Всероссийской науч. конференции студентов и молодых ученых с международным участием, Иваново, 8 апреля 2025 г. – Иваново : Ивановский государственный медицинский университет, 2025. – С. 244–245.

4. Панина, Е. Н. Психологические аспекты личной безопасности сотрудника органов внутренних дел и особенности их изучения в процессе профессиональной подготовки по должностной категории «полицейский» / Е. Н. Панина, С. М. Ковалев // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : матер. XX междунар. науч.-практ. конференции (Красноярск, 20–21 апреля 2017 г.). В 2 ч. Ч. 1. – Красноярск : Сибирский юридический институт МВД России, 2017. – С. 138–140.

© Остапенко С. А., 2026

К. В. Остряков,
студент ВИУ РАНХиГС.
Научный руководитель: **В. А. Волколупова**

ЮРИДИЧЕСКАЯ ОБОСНОВАННОСТЬ КРИМИНАЛИЗАЦИИ ОБНАРУЖЕНИЯ УМЫСЛА В Ч. 5 СТ. 291.1 УК РФ

04.05.2011 принят Федеральный закон № 97-ФЗ, который внес изменения в Уголовный кодекс Российской Федерации. Одним из нововведений стало установление уголовной ответственности за обещание или предложение посредничества во взяточничестве в ч. 5 ст. 291.1 УК РФ [1].

С точки зрения законодателя обещание или предложение посредничества во взяточничестве представляет собой не только не меньшую степень общественной опасности, чем посредничество во взяточничестве, но даже большую.

Об этом свидетельствует более строгая санкция в ч. 5 ст. 291.1 УК РФ. Так, основной состав посредничества во взяточничестве устанавливает наказание в виде лишения свободы на срок до четырех лет, а обещание или предложение посредничества во взяточничестве – до семи лет [2].

Кроме того, если реальное посредничество во взяточничестве не является преступным при незначительном размере взятки (до 25 тыс. руб. на данный момент), то обещание или предложение посредничества во взяточничестве наказуемы независимо от размера взятки.

Представляется, что законодатель установил ответственность за обещание или предложение посредничества во взяточничестве, руководствуясь целями борьбы с коррупцией как негативным социальным явлением предупреждения совершения коррупционных преступлений уже на стадии обнаружения умысла.

Однако в доктрине уголовного права такая установка законодателя не без оснований подверглась справедливой критике, поскольку вышеуказанная поправка в уголовный закон, по мнению ряда правоведов, означает криминализацию обнаружения умысла.

Обнаружение умысла как психологический этап развития умышленного преступления представляет собой проявление в любой форме намерения совершить преступление.

Данное обстоятельство, по мнению профессора А. И. Рарога, является «тревожным, социально значимым» [3]. Однако оно не ставит охраняемые уголовным законом интересы в состояние непосредственной опасности, поэтому и нынешний уголовный закон не рассматривает обнаружение умысла как юридически значимую стадию совершения преступления, ограничиваясь двумя формами неоконченного преступления (приготовление, покушение) и оконченным преступлением, которое содержит все признаки состава преступления, предусмотренного уголовным законом.

Как отмечает А. В. Наумов, «обнаружение преступного умысла вовне не может само по себе повлечь уголовную ответственность». В то же время он указывает, что в уголовном законе есть составы, «напоминающие обнаружение умысла вовне» [4], например, угроза причинения смерти или тяжкого вреда здоровью (ст. 119 УК РФ) являются наказуемыми, независимо от того, была реализована высказанная угроза или нет. Однако выражение умысла в данном случае является преступлением, поскольку представляет достаточно высокую степень общественной опасности.

Важно, однако, понимать, что угроза смерти или причинения тяжкого вреда должна быть реальной, т. е. подтверждаться обстановкой совершения преступления (например, демонстрацией оружия, предыдущими отношениями с потерпевшим и т. д.). Исходя из этого, ни о каком обнаружении умысла при реальности угрозы говорить не приходится, это уже оконченное преступление, предусмотренное уголовным законом.

Интересной представляется и позиция В. В. Сверчкова, который считает, что обнаружение умысла как «нулевой этап» не оказывает влияния на квалификацию преступления. Иными словами, данный этап преступного поведения не имеет уголовно-правового значения. При чем обнаружение умысла, по его мнению, представляет собой «выражение физическим лицом при помощи телодвижений, слов, знаков своего преступного намерения, не подтвержденного фактическими данными, дающими основания опасаться осуществления этого намерения» [5].

Таким образом, господствующей в доктрине уголовного права является позиция, что обнаружение умысла не имеет уголовно-правового значения.

Доктринальная позиция представляется вполне обоснованной, поскольку Общей части Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) известны только стадии оконченного преступления (ч. 1 ст. 29 УК РФ) и неоконченного преступления (приготовление к преступлению и покушение на преступление в соответствии с ч. 2 ст. 29 УК РФ). Обнаружение умысла как стадия преступной деятельности нормативно не закреплена.

Согласно ч. 1 ст. 29 УК РФ оконченным признается преступление, если в совершенном деянии содержатся все признаки состава преступления, предусмотренного Уголовным кодексом Российской Федерации. Следуя данной норме, установление уголовной ответственности за обещание или предложение посредничества во взяточничестве означает, что в случае, если лицо совершает деяние, содержащее все признаки состава, предусмотренного ч. 5 ст. 291.1 УК РФ, то такое деяние является оконченным преступлением.

Важный вопрос, который требует разрешения, можно ли считать обнаружением умысла обещание или предложение посредничества во взяточничестве?

Обещание посредничества во взяточничестве – добровольное, основанное на внутреннем побуждении обязательство оказать посреднические услуги во взяточничестве.

Предложение посредничества во взяточничестве – выражение желания, намерения оказать посреднические услуги, чтобы склонить других лиц к его исполнению.

Данное преступление считается оконченным с момента доведения информации о намерении стать посредником до взяточдателя или взяточполучателя независимо от того, состоялась ли договоренность.

Однако важно понимать, что само по себе высказывание соответствующего намерения не может считаться преступлением, важно установление умысла – лицо желает оказать именно посреднические услуги во взяточничестве, чтобы затруднить возможность выявления самого факта дачи / получения взятки. Если же лицо заведомо не намеревалось передавать предмет взятки, а желало обратить его в свою пользу, то такое деяние следует квалифицировать как мошенничество (ст. 159 УК РФ) [6].

На наш взгляд, о реальности намерения оказать посреднические услуги могут свидетельствовать факты предыдущих эпизодов взяточничества или посредничества во взяточничестве, конкретные жизненные обстоятельства, которые облегчают передачу предмета взятки – т. е. условия, облегчающие доступ посредника к взяточполучателю.

В качестве таких обстоятельств можно выделить следующие:

1. Личные доверительные отношения потенциального посредника со взяточполучателем.
2. Потенциальный посредник работает в одном органе или организации со взяточполучателем.
3. Органы или организации, где работают потенциальный посредник и взяточполучатель, имеют схожую сферу деятельности.
4. Предыдущие эпизоды взяточничества и (или) посредничества во взяточничестве.

Данные обстоятельства имеют не только уголовно-правовое значение, но и процессуальное, так как могут выступать в качестве обстоятельств, подлежащих доказыванию (ст. 73 УПК РФ) [7].

Существенным моментом в данной ситуации является необходимость доказывания субъективной стороны данного преступления, а также реальности намерения оказать посреднические услуги, что и позволит разграничить простое высказывание намерения без дальнейшей его реализации и реальное преступление, имеющее признаки, предусмотренные ч. 5 ст. 291.1 УК РФ.

Таким образом, криминализация обнаружения умысла в ч. 5 ст. 291.1 УК РФ является юридически обоснованной и соответствующей принципу «уголовной ответственности только за деяние», поскольку обнаружение умысла в данной ситуации представляет общественную опасность для интересов государственной службы, выступающих в качестве уголовно-правовой охраны, что и позволяет признать такое деяние оконченным преступлением при безусловном установлении субъективных признаков состава преступления. Новизны в решении законодателя нет: аналогично законодателем криминализировано и обнаружение умысла в ст. 119 УК РФ при наличии признака субъективного восприятия угрозы как реальной.

Список библиографических ссылок

1. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции: федер. закон РФ от 04.05.2011 № 97-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 09.05.2011. № 19. от. 2714.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 24.05.1996 (ред. 31.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 36. Ст. 5621.

3. Рарог А. И. Уголовное право России: Части Общая и Особенная // Проспект. 2025. С. 160.
4. Уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / Ответственные редакторы А. В. Наумов, А. Г. Кибальник. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство «Юрайт», 2025. 564 с. URL: <https://urait.ru/bcode/563340> (дата обращения: 13.09.2025).
5. Сверчков В. В. Уголовное право. Общая и Особенная части: учебник для вузов / В. В. Сверчков. 11-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство «Юрайт», 2025. 741 с. URL: <https://urait.ru/bcode/557820> (дата обращения: 17.09.2025).
6. О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях: постановление Пленума Верхов. Суда РФ от 09.07.2013 № 24. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_149092/ (дата обращения: 13.09.2025).
7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 22.11.2001 (ред. 31.07.2025). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 13.09.2025).

© Остряков К. В., 2026

Д. И. Печерская,
курсант Волгоградской академии МВД России.
Научный руководитель: **А. Ф. Зотова**

О ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ ВЕЩЕСТВЕННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Вещественными доказательствами в уголовном судопроизводстве являются предметы, которые занимают центральное место в процессе доказывания. На сегодняшний день в качестве вещественных доказательств могут быть признаны только материальные объекты, перечень которых зафиксирован в Уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации (далее – УПК РФ).

Процедура доказывания является весьма значительным процессом в предварительном расследовании, которое включает в себя сбор необходимых вещественных доказательств и признание их таковыми в соответствии с УПК РФ.

В ст. 81 УПК РФ излагается перечень предметов, которые могут быть признаны вещественными доказательствами:

- орудия, оборудования и другие средства, используемые в качестве совершения преступления;
- объекты, на которые было направлено преступное посягательство;
- приобретенные в ходе совершения преступных действий деньги, ценности и имущество;
- другие немаловажные предметы и документы, которые могли служить средствами для выявления данного преступления, и объекты, которые играют существенную роль для установления обстоятельств по уголовному делу.

Помимо этого гл. 10 УПК РФ регламентирует не только предметы, которые могут быть признаны вещественными доказательствами, но и порядок признания их таковыми, а также хранение таких предметов при уголовном деле.

Эти предметы могут быть признаны в качестве вещественных доказательств при соблюдении необходимых условий. В частности, для признания предмета как вещественного доказательства необходимо приложить определенные процессуальные документы, которые зафиксировали его признаки, обстоятельства обнаружения данного объекта. Такой процессуальный документ представляет собой постановление дознавателя или следователя о признании предмета вещественным доказательством. Отсутствие документа означает, что данный

предмет нельзя использовать в уголовном деле. Вместе с тем фактическое изъятие предмета не влечет автоматическое признание его вещественным доказательством.

Наряду с этим вещественные доказательства должны надлежащим образом храниться при уголовном деле в соответствии со ст. 82 УПК РФ (хранение вещественных доказательств).

В век инновационных технологий большинство преступлений совершается при помощи информационно-телекоммуникационной сети Интернет, а также с применением искусственного интеллекта и иных сервисов технической направленности. Все это является методом, средством и инструментом совершения преступных действий. Для раскрытия и расследования преступлений правоохранительным органам в первую очередь необходимо собрать доказательную базу, на основе которой будет найден преступник и доказано его обвинения в суде. Для этого нужно установить следы, причастные к общественно опасному деянию.

В настоящее время наблюдается тенденция стремительного роста преступлений, совершенных в виртуальном мире. Генеральная прокуратура Российской Федерации обращает внимание на то, что правоохранительным органам необходимо уделять отдельное внимание такой скрытой онлайн-системе, как даркнет. Как отмечается, именно в «теневом Интернете» в большинстве случаев совершается сбыт наркотических и психотропных веществ, отмывание денежных средств, дистанционное хищение и мошенничество. Такие противоправные деяния, совершенные в виртуальном пространстве с использованием информационно-коммуникационных сетей или иных цифровых технологий именуется как киберпреступность. Подобные киберпреступные действия различаются в зависимости от методов, средств и способов совершения преступления.

Сотрудники правоохранительных органов отмечают значительный уровень роста IT-преступлений с использованием социальных сетей в глобальном информационном пространстве.

Помимо этого органы внутренних дел подтверждают высокий уровень профессионализма совершения преступлений в цифровом пространстве при помощи глобальной сети Интернет.

Начальник следственного департамента МВД России Данил Филиппов сообщил, что ущерб от киберпреступности за пять месяцев 2025 г. превысил 81 млрд руб., а также подчеркнул, что в данный период времени зарегистрировано более 380 тыс. преступлений в информационной сфере, из которых около 189 являются дистанционными кражами и мошенничеством. Опираясь статистическими данными, подтверждающими интенсивный рост киберпреступности, необходимо отметить следующее:

- преступления, совершенные в информационном пространстве за 2024 г. (январь–декабрь) возросли на 13,1 %, по отношению к 2023 году (январь–декабрь).
- на протяжении 2025 г. наблюдается значительный рост киберпреступности в связи с использованием злоумышленниками искусственного интеллекта.

На основании вышеизложенного необходимо акцентировать внимание на том, что в связи с совершением IT-преступлений злоумышленник не оставляет материальных следов на месте происшествия, поскольку это деяние происходит в информационном поле. Следовательно, субъект преступления оставляет свой след в цифровом, электронном виде. Такие электронные следы представляют собой совокупность определенных данных, причастных к общественно опасному деянию, которые виновное лицо оставляет в виртуальном пространстве на различных информационных платформах.

Для расследования, раскрытия и предотвращения преступлений, совершенных в виртуальном информационном поле, сотрудникам правоохранительных органов необходимо собирать вещественные доказательства в виде электронных источников.

В качестве признаков электронной информации В. Н. Григорьев, О. А. Максимов отмечают: электронные следы могут быть обнаружены и изъяты, а также признаны в качестве вещественных доказательств с помощью специальных технических устройств. Цифровые следы, которые содержатся на электронном носителе, подлежат фиксации в протоколе

следственного действия, связанного с изъятием информации с электронного носителя информации [1].

Доктор юридических наук, профессор В. А. Мещеряков в своих научных работах предложил использовать понятие «виртуальный след» и охарактеризовал его как «любое изменение состояния автоматизированной информационной системы, связанное с событием преступления и зафиксированная в виде компьютерной информации на материальном носителе, в том числе на электромагнитном поле» [2].

В соответствии с вышеуказанным необходимо говорить о признании таких цифровых следов в качестве электронных вещественных доказательств. Поскольку электронные следы преступления возникают в цифровом пространстве, эти следы преступления будут признаваться как электронные доказательства.

В отличие от традиционного вещественного доказательства, которым является предмет, обладающий определенными физическими свойствами, электронные вещественные доказательства представляет собой электронную информацию, которая была получена в информационном пространстве. Такой цифровой след не является материальным, однако он проявляет свою предметность на разных компьютерных носителях. В таком случае спецификой вещественных доказательств является их отражения в уголовном деле посредством технических, аппаратных и иных программных средств. В связи с этим доказательствами будут признаваться информационно значимые материалы и сведения, зафиксированные на определенном носителе информации [3].

В соответствии со ст. 74 УПК РФ доказательствами могут признаваться показания и заключение различных лиц (подозреваемый, обвиняемый, потерпевший, свидетель, эксперт, специалист), участвующих в уголовном деле, следовательно, данная информация будет получена в традиционной форме уголовного судопроизводства. Электронная информация, в свою очередь, обладает определенными характеристиками, которые позволяют отличать ее от обычной информации, полученной от лиц, участвующих в уголовном процессе.

Особенностью электронных доказательств являются их различия с доказательствами, полученными от вышеупомянутых лиц, в том, что электронная информация в качестве доказательств устанавливается исходя из объективности следовой преступной деятельности, когда традиционная информация формируется в качестве передачи данных о преступных фактах.

В научных работах по уголовно-процессуальному праву встречаются различные формулировки понятия электронной информации, к примеру: «машинная информация», «компьютерная информация» или «цифровая информация». И. З. Карась разъясняет термин машинной информации в качестве информации, которая присутствует в компьютерном пространстве, хранится на физическом носителе, а также в определенный отрезок времени способна пройти обработку алгоритмом компьютера и может быть переданной через различные телекоммуникационные каналы [4].

Электронная информация представляет собой различные информационные файлы, которые содержат в себе текстовые документы, фотографии, видеозаписи, аудиозаписи, базы данных, программы и другую наиболее значимую для доказывания в уголовном процессе информацию, которая хранится на физическом носителе и может быть использована в качестве электронного вещественного доказательства.

Некоторые ученые-процессуалисты (А. М. Баранов, М. И. Воронин, П. С. Пастухов, Л. А. Головкин и др.) рассматривают электронные доказательства в качестве особой категории уже существующих видов доказательств. Учитывая специфику электронных доказательств, вещественные доказательства должны иметь особый статус в уголовно-процессуальном законе. К примеру, электронными доказательствами можно признавать материалы и сведения, которые содержатся на электронных носителях информации и признаны относимыми, допустимыми и достоверными. Для их восприятия следователю в своей профессиональной деятельности требуется применять специальные технические средства.

Исходя из положений гл. 11 УПК РФ с учетом особенностей электронных доказательств, законодателю в настоящее время необходимо обратить особое внимание на возмож-

ность законодательного закрепления электронных вещественных доказательств как отдельного вида вещественных доказательств по уголовному делу.

Таким образом, необходимо акцентировать пристальное внимание на отдельной регламентации электронных вещественных доказательств в качестве самостоятельной отрасли вещественных доказательств по уголовному делу. Поскольку в современных условиях наблюдается рост преступлений в IT-сфере, возрастает потребность следователя в признании электронной информации, хранящейся на цифровом носителе, в качестве вещественного доказательства по уголовному делу. В соответствии с этим для правомерности действий следователя законодательству следует подробно изложить в УПК РФ терминологию «электронного вещественного доказательства», раскрыв в ней отдельную характеристику электронных вещественных доказательств.

Список библиографических ссылок

1. Шигуров А. В. Понятие электронных носителей информации и электронных следов в российском уголовном процессе // Российский хороший журнал. 2020. № 1 (3). С. 4.
2. Мещеряков В. А. Преступления в сфере компьютерной информации: основы теории и практики расследования // Издательство Воронежского государственного университета. 2002. № 3. С. 408.
3. Пастухов П. С. Электронное вещественное доказательство в уголовном судопроизводстве // Вестн. Том. гос. ун-та. 2015. № 396. С. 149–152.
4. Карась И. З. Экономический и правовой режим информационных ресурсов // Право и информатика. 1990. № 2. С. 40–59.

© Печерская Д. И., 2026

А. З. Родионова,
слушатель Волгоградской академии МВД России.
Научный руководитель: **И. Т. Захарья**

ВОЗМОЖНОСТИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В КРИМИНАЛИСТИКЕ XXI ВЕКА

Изучены современные возможности искусственного интеллекта, применяемые в ходе раскрытия и расследования преступлений. Приведены результаты использования инструментов и алгоритмов ИИ в деятельности правоохранительных органов с учетом статистических данных.

Основной задачей исследования стало рассмотрение перспективных направлений использования искусственного интеллекта в криминалистике, оценка их положительного и негативного влияния в деятельности правоохранительных органов, описание возможности использования инструментов искусственного интеллекта в судебной-экспертной деятельности.

В качестве методов и средств решения задачи были выбраны общенаучные методы, к которым можно отнести методы анализа, синтеза, индукции, дедукции, наблюдения, описания, сравнения, а также частнонаучные методы: сравнительно-правовой анализ, статистический и комплексный.

Теоретическую и практическую значимость исследования составляет понимание потенциала и новых возможностей искусственного интеллекта, формулирование путей решения по закреплению основ использования ИИ в деятельности правоохранительных органов на законодательном уровне и расширении инновационной базы инструментов ИИ, которые могут быть использованы в области борьбы с преступностью.

Остановимся на результатах, полученных в ходе исследования. Авторами обозначены перспективные направления по использованию искусственного интеллекта в целях преду-

преждения и предотвращения преступлений, проанализированы положительные и негативные последствия использования ИИ в деятельности правоохранительных органов, выявлены и обозначены основные проблемы его использования.

На сегодняшний день искусственный интеллект все глубже внедряется в сферу деятельности правоохранительных органов по раскрытию и расследованию преступлений. Современные инструменты ИИ способны не только анализировать массив данных, но и предлагать конкретные пути решения проблемных вопросов в области борьбы с преступностью за короткий временной промежуток. Алгоритмы искусственного интеллекта значительно упрощают процесс выполнения типовых задач сотрудниками правоохранительных органов, что в связи с нехваткой кадров является перспективным решением.

Использование искусственного интеллекта в деятельности правоохранительных органов имеет особое значение и в современных условиях преимущественно направлено на профилактику и противодействие преступности на территории нашей страны, на что было обращено внимание Президента Российской Федерации В. В. Путина в выступлении на расширенном заседании коллегии МВД России. При этом предиктивная деятельность должна включать в себя следующие инструменты и возможности ИИ:

а) прогнозирование. В ходе реализации данной функции ИИ способен моделировать и воссоздавать наиболее возможные места совершения преступлений с учетом информации о времени, географическом расположении, погодных условиях, способах совершения преступлений [1]. Так, ярким примером системы ИИ, главная функция которого заключается в прогнозировании совершения преступных деяний, является программно-аппаратный комплекс Dejaview, созданный Южнокорейским научно-исследовательским институтом (далее – НИИ). Принцип работы данной системы заключается в обучении нейросети методом анализа статистики, поведенческих факторов, создания видеороликов соответствующей тематики. Это позволит ей самостоятельно оценивать риски совершения преступления, а также прогнозировать повышение или снижение уровня преступности. В Российской Федерации идет разработка систем «Клон» и «Конъюнктура», их внедрение в деятельность правоохранительных органов запланировано на 2025 год. Система «Клон» призвана выявлять факты подделки видеоконтента, а «Конъюнктура» основывается на прогнозировании негативных событий и чрезвычайных ситуаций, моделировании всевозможных путей реагирования сотрудников правоохранительных органов;

б) документирование. Реализация данной функции представляет собой автоматизацию процесса документооборота в электронных системах правоохранительных органов. При документировании ИИ может выполнять сразу несколько задач: автоматическое распознавание документа и его классификация по различным основаниям; направление документов соответствующим должностным лицам или организациям, контроль сроков исполнения; определение возможных рисков; подготовка шаблонов документов; проверка на соответствие требованиям законодательства;

в) инструменты, применяемые в целях решения задач криминалистики, к которым можно отнести: распознавание образов и человеческих лиц; идентификацию, классификацию и сравнение узоров следов пальцев рук; реконструкцию мест преступлений и виртуальную реальность; расчет размерных характеристик; алгоритмы ИИ для улучшения качества фото и видеоизображений, распознавания речи; формирование портрета личности преступника; извлечение и исследование цифровых следов. Необходимо проанализировать вышеуказанные возможности ИИ для установления положительных и негативных аспектов его использования в области криминалистики.

1. Идентификация и сравнение узоров следов пальцев рук, изъятых с мест нераскрытых преступлений. Алгоритмы ИИ способны не только оперативно осуществлять сравнение следов пальцев рук с отпечатками пальцев рук конкретного лица, но и связывать следы пальцев рук одного человека, изъятые с разных мест нераскрытых преступлений, между собой [2]. По статистическим данным точность представленной системы может достигать 77 %.

Это направление, по мнению председателя Следственного комитета Российской Федерации (далее – СК РФ) А. И. Бастрыкина, облегчит процесс формирования следственных версий.

2. Использование инструментов ИИ в целях решения задач криминального профайлинга. В научно-исследовательском институте криминалистики СК РФ с помощью специального приложения, основанного на алгоритмах ИИ, возможно составить портрет личности преступника, к примеру, серийного убийцы. Приложение включает в себя таблицу со следующими исходными данными: сведения с осмотров мест преступления, характеристики жертвы (пол, возраст), особенности совершенного преступного деяния (способ, орудие преступления, вид нападения, обстановка мест преступлений). По предложенному ИИ портрету личности преступника можно найти его по горячим следам. При этом, как указывает руководитель НИИ криминалистики СК РФ, приложение по формированию портрета серийного убийцы позволяет установить наличие судимости у подозреваемого лица с вероятностью 82 %, а также путь его следования с вероятностью 90 %.

3. Алгоритмы искусственного интеллекта внедряются при реконструкции обстановок мест происшествия и позволяют создавать на основе анализа потока информации и ранее заданных сведений реалистичные виртуальные пространства. Моделирование обстановки мест происшествий позволяет следователю более подробно изучить детали проведения следственного действия, провести дополнительный осмотр объектов и вещественных доказательств, отразить их размерные характеристики, выдвинуть наиболее подходящие следственные версии. Данный вариант демонстрации обстановки на месте происшествия более наглядный как для следователя или дознавателя, так и для иных участников уголовного судопроизводства. Виртуальную модель, созданную ИИ, также можно использовать в образовательных целях: при подготовке высококвалифицированных кадров ОВД. Для создания 3D-реконструкций мест преступления необходимо использовать следующие программные комплексы: «3D-свидетель» (способен воссоздавать обстановку на месте возникшего ранее пожара, дорожно-транспортного происшествия); «Виртуальный осмотр места происшествия» (выступает в качестве тренажера-симулятора, в который можно загрузить неограниченное количество фотоснимков с реальных осмотров мест происшествий и создавать уникальный трехмерный криминалистический полигон).

4. Повышение качества изображений. Инструменты ИИ способны увеличить разрешение изображения, ликвидировать размытость, блики или слабо освещенные участки изображения, удалить шум, сохранить естественное изображение (не добавлять дополнительные элементы, которых нет на самом деле), улучшить цветовую гамму. Наиболее перспективным направлением данная функция ИИ выступает для решения задач габитоскопии и портретной экспертизы, в рамках исследования которой поступают объекты (фото или видеоизображения) ненадлежащего качества. Улучшить качество изображений можно с помощью таких современных онлайн-сервисов, как Pica AI (способен автоматически восстановить размытые или зернистые фотоснимки, увеличить разрешение фотоизображения до 4K); Media.io. (преобразовывает фотоизображения в режиме реального времени в браузере без необходимости использования дополнительного программного обеспечения); Photoroom (обеспечивает возможность проработки предметных фотоизображений: подчеркнуть форму, устранить шум или блики на отдельных участках фотографии). У онлайн-сервисов ИИ по улучшению качества фото или видеоизображений есть ряд преимуществ перед программами, требующими их установки на ПК: предоставление возможности работы с различными форматами, шифрование данных при их использовании. Кроме того, алгоритмы ИИ все чаще используются при проведении фоноскопической экспертизы, так как его инструменты способны с высокой точностью осуществить распознавание речи, анализируя при этом семантику текста, эмоциональную окраску, признаки необычного эмоционального состояния.

5. Использование алгоритмов ИИ при извлечении цифровых следов с различных материальных носителей информации. Искусственный интеллект ускоряет процесс извлечения сведений и данных из зашифрованных объектов, а также проводит анализ и способен распознавать различные типы форматов, файлов и протоколов передачи данных. Кроме того,

инструменты ИИ способны за короткий промежуток времени изучить большой массив метаданных, которые содержат в себе сведения о дате создания, авторе, местоположении файла или конкретного сообщения [3]. У эксперта, имеющего допуск по компьютерно-технической экспертизе и проводящего данную работу в ходе исследования, процесс анализа метаданных занимает немалое количество времени, ИИ в значительной степени сокращает время на выполнение данного процесса. В современной криминалистике существует приложение для работы с цифровыми следами, основанное на алгоритмах ИИ, «Мобильный криминалист». Функционал приложения позволяет выполнять такие действия, как распознавание текста на изображениях или лиц на фото или видеоизображении; извлечение данных и их последующий анализ; исследование ПК и всей информации, имеющейся на ней; формирование отчетов.

Вышеуказанные возможности ИИ всецело позволяют упростить и ускорить процесс выполнения типовых задач специалиста или эксперта. Однако, несмотря все преимущества, использование алгоритмов искусственного интеллекта до сих пор не позволяет решить ряд актуальных этических-правовых проблем:

- обеспечение защиты конфиденциальности данных. Использование инструментов и алгоритмов ИИ зачастую затрагивает личную информацию о конкретных пользователях, именно поэтому требует четкого и надежного правового механизма по защите от утечки и злоупотреблений в данной области;

- предвзятость алгоритмов и невозможность дачи правильного решения в любой ситуации. К данному фактору можно отнести использование инструментов ИИ при проведении почерковедческой экспертизы. Процесс выявления, оценки совпадающих и различающихся общих и частных признаков почерка напрямую зависит от субъективного мнения эксперта в данной области знаний. Именно поэтому затруднительно использовать инструменты ИИ для проведения данного вида исследования в силу многочисленного разнообразия объектов, проявлений конкретных признаков [4];

- отсутствие прозрачности и подотчетности ИИ. В российском законодательстве отсутствуют отдельные нормативные правовые акты по урегулированию процесса использования ИИ и наступления юридической ответственности за его применение. В настоящее время остается открытым вопрос о том, кто несет ответственность за ошибки ИИ, как рассчитать предсказуемость их проявления и интерпретируемость.

Таким образом, искусственный интеллект и его инструменты являются инновационным решением при его использовании в деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью. С помощью ИИ стало возможным за короткий промежуток времени моделировать обстановку места происшествия, выдвигать самые разнообразные следственные версии, осуществлять контроль за социальными сетями, автоматизировать процесс выполнения рутинных задач, анализировать большой объем информации, прогнозировать вероятные места совершения преступления с учетом самых разнообразных факторов: время, место, способ, особенности личности преступника.

Список библиографических ссылок

1. Тарасов А. В., Темзоков А. Р. Криминалистические аспекты использования искусственного интеллекта в раскрытии и расследовании преступлений // Теория и практика общественного развития. 2023. № 10. С. 256–260. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriminalisticheskie-aspekty-ispolzovaniya-iskusstvennogo-intellekta-v-raskrytii-i-rassledovanii-prestupleniy> (дата обращения: 02.10.2025).

2. Сафонов А. А. Инструменты искусственного интеллекта в деятельности правоохранительных органов и криминалистике: смена технологической парадигмы // Криминологический журнал. 2024. № 4. С. 155–159.

3. Тюнис И. О., Анисимова А. М. Искусственный интеллект и цифровые технологии в криминалистике // Закон и право. 2025. № 3. С. 246–250. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-i-tsifrovye-tehnologii-v-kriminalistike> (дата обращения: 02.10.2025).

4. Белоголовкин М. В., Сомова М. В. Криминалистика и искусственный интеллект: новые вызовы и возможности // Вестник науки. 2025. № 5 (86). С. 1337–1341. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriminalistika-i-iskusstvennyy-intellekt-novye-vyzovy-i-vozmozhnosti> (дата обращения: 02.10.2025).

Библиографический список

1. Мищук, В. А. Использование искусственных нейронных сетей для решения задач судебно-почерковедческой экспертизы: анализ зарубежного опыта / В. А. Мищук // Теория и практика судебной экспертизы. – 2025. – Т. 20. – № 1. – С. 44–65.

2. Перелыгин, А. Е. Применение искусственного интеллекта в криминалистическом анализе: возможности и этические вопросы / А. Е. Перелыгин, А. С. Корнев // Актуальные исследования. – 2023. – № 52 (182). – Ч. II. – С. 44–46.

© Родионова А. З., 2026

А. М. Савлданова,
курсант Волгоградской академии МВД России.
Научный руководитель: **Е. И. Романов**

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОГНЕВОЙ И ТАКТИКО-СПЕЦИАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ ПРИ ПОДГОТОВКЕ КУРСАНТОВ И СЛУШАТЕЛЕЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ МВД РОССИИ

Современная профессиональная подготовка сотрудников органов внутренних дел требует комплексного подхода, объединяющего различные аспекты служебной деятельности. Особое значение в этом процессе приобретает взаимодействие тактико-специальной и огневой подготовки, формирующее у курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России целостную систему профессиональных навыков и компетенций. Интеграция этих дисциплин направлена на развитие способности применять огнестрельное оружие в условиях, максимально приближенных к реальным оперативно-служебным ситуациям, с учетом тактических особенностей и психофизиологических факторов.

Выбранная тема приобретает особую значимость в условиях текущей внутригосударственной и международной нестабильности. Массовые беспорядки, требующие вмешательства полицейских подразделений, наглядно демонстрируют, что качественное владение тактическими приемами и огневым оружием становится не просто профессиональным требованием, но и фактором личной безопасности сотрудника [1, с. 14].

Современный контекст функционирования правоохранительной системы выдвигает огневую и тактико-специальную подготовку на передний план профессионального обучения. Образовательные учреждения системы МВД России уделяют значительное внимание этим дисциплинам, развивая как теоретическую базу, так и практические аспекты подготовки.

Следует подчеркнуть фундаментальную роль данных направлений в структуре профессиональной квалификации сотрудников. Уровень служебной подготовки напрямую коррелирует с результативностью выполнения оперативных задач. Совершенствование профессиональных компетенций позволяет оптимизировать служебную деятельность, повышая ее эффективность при сокращении временных затрат.

Формирование устойчивых профессиональных навыков представляет собой многогранный процесс, включающий как освоение теоретических концепций, так и их практическую реализацию в ходе учебных занятий. Подразделения МВД России располагают обширным

практическим опытом проведения специальных мероприятий по задержанию правонарушителей в разнообразных ситуациях – от общественных пространств до транспортных средств в различное время суток и при разных погодных условиях.

Происходит постоянное совершенствование методического обеспечения образовательного процесса. Однако современные реалии требуют дальнейшей модернизации системы подготовки сотрудников МВД России через интеграцию инновационных методик, технических средств и подходов к обучению. Тактико-специальная подготовка как учебная дисциплина формирует у будущих сотрудников правоохранительных органов навыки оперативного мышления, тактического анализа ситуации и принятия решений в условиях неопределенности. Огневая подготовка, в свою очередь, развивает технику владения оружием, точность стрельбы и скорость реакции.

В современных условиях внедрение интегративных методов обучения в образовательный процесс сотрудников правоохранительных органов приобретает особую значимость. Формирование боевой готовности становится первостепенной задачей при подготовке как курсантов очного и заочного обучения, так и действующих сотрудников различных подразделений в рамках повышения квалификации.

Интегративный подход характеризуется созданием целостной образовательной среды через формирование внутродисциплинарных и междисциплинарных связей содержания различных образовательных программ [2, с. 9]. Это позволяет обеспечить комплексное восприятие профессиональных компетенций.

Специфика взаимодействия сотрудников правоохранительных структур при выполнении оперативно-служебных задач заключается в том, что групповые навыки приобретаются только после прохождения индивидуальной подготовки. Следовательно, интегративные образовательные методики должны применяться как в индивидуальном порядке, так и в групповом формате учебных взводов.

Устойчивые профессиональные навыки взаимодействия формируются в условиях психологического и физического давления. Образовательный процесс предусматривает целенаправленное введение обучающегося в стрессовое состояние на фоне физической усталости и других дестабилизирующих факторов. Психологи отмечают закономерность: в стрессовой ситуации человек демонстрирует только те навыки, которыми он действительно владеет.

Эффективным мотивационным инструментом служит разбор реальных инцидентов из профессиональной практики, особенно тех, которые привели к травмированию или гибели сотрудников. Для повышения образовательной ценности занятий критически важен правильный выбор учебной локации. Оптимальными вариантами являются тактические поля, специализированные участки местности, полигоны, отдельные строения или подземные коммуникации, обеспечивающие качественную отработку учебных задач.

К примеру, для тренировки навыков штурма помещения с укрывшимся преступником необходим объект с несколькими комнатами, имитирующий планировку квартиры. Идеальным решением становится нежилое многоэтажное здание с разнообразными помещениями. Занятия могут проводиться в различных условиях: в подъездах жилых домов, на открытой местности, в транспортных средствах с использованием учебных макетов оружия, преимущественно пистолета Макарова [3, с. 58].

Невозможно предусмотреть все потенциальные ситуации, с которыми столкнется сотрудник в своей деятельности. Поэтому методика подготовки к взаимодействию концентрируется на базовых моделях поведения противника в различных позициях: когда он находится перед сотрудниками, за их спиной или между ними.

Внедрение инновационных интегративных методик в программы огневой и тактико-специальной подготовки существенно повышает профессиональный уровень сотрудников, что непосредственно отражается на эффективности их практической деятельности. Для формирования боевой готовности и успешной профессиональной адаптации необходимо комплексное психологическое воздействие на сотрудника в ходе учебных занятий.

Кроме того, особую роль в интеграции тактико-специальной и огневой подготовки играет применение инновационных технологий, среди которых важное место занимает лазертаг-оборудование. В отличие от традиционных методов обучения, лазертаг позволяет моделировать сложные оперативные ситуации в динамике, развивая у курсантов не только технические навыки стрельбы, но и тактическое мышление, командное взаимодействие и способность быстро адаптироваться к изменяющейся обстановке. Использование лазертаг-систем в Волгоградской академии МВД России показало их высокую эффективность в формировании профессиональных компетенций.

Лазертаг-тренировки способствуют развитию нескольких ключевых аспектов профессиональной подготовки. Во-первых, они совершенствуют хват оружия и технику стрельбы в условиях, приближенных к реальным. В отличие от статической стрельбы на тире, лазертаг требует удержания и применения оружия в движении, при смене позиций, в условиях ограниченной видимости или временного давления. Это формирует у курсантов устойчивые моторные навыки, которые затем переносятся на работу с боевым оружием. Во-вторых, лазертаг развивает тактическое мышление – умение выбирать позицию, оценивать дистанцию, предугадывать действия противника. В-третьих, такие тренировки вырабатывают психологическую устойчивость, способность сохранять концентрацию и принимать решения в стрессовой ситуации.

Важным преимуществом лазертаг-систем является возможность мгновенной обратной связи. Датчики фиксируют точность попаданий, время реакции, что позволяет инструкторам проводить детальный анализ действий каждого курсанта и вносить коррективы в процесс обучения. Кроме того, система позволяет моделировать различные сценарии (от стандартных до экстремальных), варьируя количество «противников», их вооружение, условия местности и другие параметры. Это обеспечивает высокую вариативность тренировок и возможность постепенного усложнения задач по мере роста профессионального мастерства обучающихся.

Таким образом, взаимодействие тактико-специальной и огневой подготовки через использование инновационных методов, таких как лазертаг-тренировки, представляет собой эффективный инструмент профессиональной подготовки курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России. Этот подход позволяет формировать не разрозненные навыки, а целостную систему профессиональных компетенций, необходимых для успешной оперативно-служебной деятельности.

Сотрудник правоохранительных органов должен научиться преодолевать личные страхи и заблуждения, адаптироваться к своему оружию, выстраивать эффективные взаимоотношения с коллегами и быть готовым к разнообразным экстремальным ситуациям. Интеграция этих элементов в образовательный процесс способствует качественному повышению профессиональной подготовки и, как следствие, улучшению результатов практической деятельности.

Список библиографических списков

1. Безруких Е. Г. Интегрированное обучение как средство организации современного учебного процесса // Проблемы педагогики. 2015. № 6 (7). С. 8–12.
2. Казаченко А. А., Каленова А. Ф. Методика проведения занятий по огневой и тактико-специальной подготовке в образовательных организациях МВД России // Актуальные вопросы физической подготовки (культуры) обучающихся в образовательных организациях высшего образования. 2024. С. 56–59.
3. Лаухин В. Е. Использование учебно-имитационного стрелкового оборудования при проведении занятий по основам личной безопасности сотрудников органов внутренних дел: учеб.-практ. пособие. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2014. 78 с.

© Савлданова А. М., 2026

В. С. Сергеева,
курсант Волгоградской академии МВД России.
Научный руководитель: **Н. И. Батурина**

ПРАВОВЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ РЕГИСТРАЦИИ БРАКА КАК ОСНОВА СОХРАНЕНИЯ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

В современном мире, характеризующемся глобализацией, цифровизацией и сменой социальных парадигм, понятие семейных ценностей не исчезло, но претерпело значительную трансформацию. Если раньше их существование выражалось в относительно стабильной и единообразной концепции, то сейчас они являются предметом для научных дискуссий, переосмысления и индивидуализации. Сегодня эти изменения существуют в условиях постоянного диалога между традициями и новыми вызовами общества, которые ориентированы на зарубежный уклад жизни. Семейные ценности разнообразны и проявляются в отношениях между супругами, родителями и детьми, а также в родственных и свойственных связях.

Современное российское государство уделяет особое внимание сохранению и приумножению семейных ценностей на законодательном уровне. Так, в Указе Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» перечислены традиционные ценности, в число которых входят и семейные ценности. К ним относятся жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России и др. [1]. Традиционные ценности – это нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России.

Семейная политика государства направлена на реализацию положений Конституции РФ, согласно которым наша страна является социальным государством, нацеленным на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие для каждого человека, улучшение благосостояния семей с детьми, стимулирование рождения в целях улучшения демографической ситуации (ч. 1. ст. 7) [2].

Одной из форм возникновения семьи является регистрация брака. Исполон веков это был тот юридический факт, который порождал не только правовые последствия, но и влиял на продолжение рода и, как следствие, увеличение численности населения. Семья являлась тем истоком, от которого брали свое начало и передавались из поколения в поколение традиции, устои, каноны и нравы. Именно поэтому необходимо сохранить такой подход к значимости семьи и брака, который будет укреплять семейные узы и благоприятно влиять на увеличение демографического уровня российского государства, на его развитие и процветание.

Правовое регулирование брачных отношений осуществляется с помощью семейного законодательства, первостепенное место среди него отведено Семейному кодексу Российской Федерации (далее – СК РФ). Так, в ст. 14 указанного закона, перечисляются обстоятельства, препятствующие заключению брака, среди которых присутствуют правила, направленные на сохранение семейных ценностей. Не допускается заключение брака между: «близкими родственниками (родственниками по прямой восходящей и нисходящей линии (родителями и детьми, дедушкой, бабушкой и внуками), полнородными и неполнородными (имеющими общих отца или мать) братьями и сестрами)». Предусмотренное ограничение не случайно,

поскольку оно ориентировано на защиту моральных ценностей и сохранение здорового поколения [3].

В соответствии с современными реалиями, названное ограничение на недопустимость брака между близкими родственниками не должно быть единственным. Отсутствие запрета заключения брака между двоюродными братьями и сестрами не является нормой, поскольку сталкиваются между собой две важные проблемы: защита потенциального здоровья будущих поколений и уважение к культурным традициям института семьи. Основные аргументы в пользу данного предложения можно отнести:

1) медико-генетический риск (дети, рожденные в союзах двоюродных родственников, имеют статистически значимое повышение риска унаследовать рецессивные генетические заболевания, а также тяжелые наследственные патологии);

2) социально-этический аспект (в российском обществе, где традиционно сильны семейные узы, подобные браки могут создавать конфликтные ситуации внутри семьи и приводить ее к дестабилизации).

На основании сказанного следует предложить внести дополнения в положения ст. 14 СК РФ, указав на запрет заключения брака между двоюродными братьями и сестрами. Такой позиции придерживаются и государственные деятели: в сентябре 2025 г. заместитель председателя Комитета Государственной Думы по защите семьи, вопросам отцовства, материнства и детства Виталий Милонов предложил внести законодательный запрет на заключение брака между двоюродными братьями и сестрами. По его мнению, данные союзы опасны из-за риска наследственных заболеваний и мутаций у детей. Милонов отметил, что в российской традиции подобные браки всегда являлись недопустимыми с моральной точки зрения, однако в законе прямой запрет отсутствует [4].

С точки зрения генетики и медицины следует учитывать негативное влияние кровнородственных браков, которое выражается в повышенном генетическом риске для потомства и высокой частоте врожденной патологии у новорожденных. В связи с этим необходимо расширить перечень запретов при регистрации брака между лицами, находящимся в кровном родстве.

Следующим основанием, которое препятствует заключению брака и может быть отнесено к требованиям законодателя о сохранении семейных ценностей, является запрет брачных отношений между усыновителем и усыновленным, поскольку данная категория граждан юридически приравнивается к родителям и детям, кроме того, усыновление как приоритетная форма устройства детей, оставшихся без попечения родителей, ориентирована исключительно на создание условий в семье усыновителя, приближенных к отношениям, возникшим из кровного происхождения между родителями и детьми.

Продолжая говорить о запретах семейного законодательства, которые должны быть учтены при регистрации брака, следует обратить внимание, что для российского общества характерна моногамия для брачных отношений. Что касается полигамии (многоженства), то в нашей стране оно законодательно запрещено, но при этом в некоторых зарубежных странах это возможно и разрешено (например, на Филиппинах, Шри-Ланке, в Индии, Малайзии и Сингапуре). Подтверждением этому служит определение брака как союза между мужчиной и женщиной в Конституции РФ, а также ст. 14 СК РФ, согласно которой недопустима регистрация брака между лицами, если кто-то из них уже состоит в другом браке. Стоит упомянуть еще ст. 12 СК РФ, которая предусматривает взаимное согласие мужчины и женщины и недопустимость однополых браков, и ст. 16 СК РФ, где указано одно из оснований прекращения брака при смене пола одним из супругов. Таким образом, это будет являться правовым запретом, направленным на сохранение семейных ценностей.

Процветание любого государства, зависит от того, насколько здорово физически и психически подрастающее поколение. Именно поэтому следует отнести к правовым основаниям сохранения семейных ценностей запрет о регистрации брака между лицами, если одно из них признано судом недееспособным в силу психического расстройства. Недееспособный гражданин не способен осознавать свои действия и руководить ими, а также самостоятельно

отстаивать и защищать свои права и законные интересы, в том числе не может выразить осознанную волю на вступление в брак. Кроме того, некоторые психические заболевания преимущественно передаются по наследству. На основании вышеизложенного следует сказать, что ограничение лица в дееспособности в силу его психического расстройства до регистрации брака будет являться основанием, препятствующим его заключению. Существует предположение, что в ст. 14 СК РФ необходимо внести дополнение, которое определяет перечень оснований, препятствующих заключению брака: запрещено заключение брака между лицами, из которых хотя бы одно лицо признано судом недееспособным или ограниченно дееспособным вследствие психического расстройства. Таким образом, данное дополнение повлечет за собой изменение оснований, при наличии которых брак будет признан недействительным. Следовательно, в случае нарушений условий, необходимых для заключения брака (в данном случае говорится о положениях ст. 14 СК РФ), брак будет признан недействительным [5].

Психическое расстройство, влекущее недееспособность гражданина, является не единственным запретом, который мог бы рассматриваться в качестве сохранения семейных ценностей. Так, согласно п. 2 ст. 30 Гражданского кодекса РФ гражданин, у которого присутствует психическое заболевание, но при котором он может понимать значение своих действий и руководить ими с помощью третьего лица, в судебном порядке признается ограниченно дееспособным. Несмотря на наличие оснований для признания гражданина недееспособным, семейное законодательство не содержит запрета на заключение брака между лицами, одно из которых имеет ограниченный объем дееспособности вследствие психического расстройства. Думается, что данное состояние человека должно быть препятствием для заключения брака, поскольку для его реализации необходимо наличие согласия мужчины и женщины, не учитывая одобрения попечителя одного из супругов при таком юридическом факте. Кроме того, наличие психического заболевания может отразиться на психическом здоровье детей, рожденных в таком браке.

Подводя итог, можно сказать, что правовые ограничения регистрации брака, закрепленные в СК РФ, выступают не в роли простых административных барьеров, а являются фундаментальной основой для сохранения и укрепления традиционных семейных ценностей в российском обществе, позволяют институту брака оставаться прочным, защищенным от деструктивных влияний и соответствующим своему главному предназначению: быть основой для рождения и воспитания здорового поколения, опорой для личности и фундаментальной ценностью российского общества.

Список библиографических ссылок

1. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/> (дата обращения: 05.10.2025).
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/?ysclid=mqhnij8ik129257799 (дата обращения: 10.10.2025).
3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023). URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 02.10.2025).
4. «Нехорошие мутации»: в России хотят запретить браки между двоюродными братьями и сестрами. URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2025/09/15/26732330.shtml> (дата обращения: 12.10.2025).
5. Батурина Н. И., Медведева И. М. Ограничение дееспособности гражданина вследствие его психического расстройства как одно из обстоятельств, препятствующих заключению брака // Вестник Волгоградской академии МВД России, 2016. № 3 (38). С. 37–41.

URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ogranichenie-deesposobnosti-grazhdanina-vsledstvie-ego-psihicheskogo-rasstroystva-kak-odno-iz-obstoyatelstv-prepyatstvuyuschih> (дата обращения: 14.10.2025).

Библиографический список

1. Абдашитов, А. А. Ограничения на вступление в брак в Российской Федерации: особенности теории и правоприменительной практики / А. А. Абдашитов [и др.] // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2022. – № 5-2 (68). – С. 20–23. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/ogranicheniya-na-vstuplenie-v-brak-v-rossiyskoy-federatsii-osobennosti-teorii-i-pravoprimeritelnoy-praktiki> (дата обращения: 13.10.2025).

2. Зайцева, А. П. Родственный брак как медико-социальная проблема [Электронный ресурс] / А. П. Зайцева [и др.] // Colloquium-journal. – 2019. – № 12-7 (36). – С. 13–15. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/rodstvennyy-brak-kak-mediko-sotsialnaya-problema/viewer> (дата обращения: 15.10.2025).

3. Самылина, Н. М. Семейная политика как основа сохранения и обеспечения ценностей в Российской Федерации / Н. М. Самылина // Вестник науки. – 2023. – Т. 2. № 6 (63). – С. 763–768. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/semeynaya-politika-kak-osnova-sohraneniya-i-obespecheniya-tsennostey-v-rossiyskoy-federatsii/viewer> (дата обращения: 16.10.2025).

4. Филиппова, М. О. Учет факторов риска семейной и социальной депривации детей [Электронный ресурс] / М. О. Филиппова // Психологическая помощь социально-дезадаптированным детям и подросткам. – Москва : МГППУ, 2013. – С. 7–18. – URL : <https://psyjournals.ru/nonserialpublications/childdeprivation/contents/69116> (дата обращения: 17.10.2025).

© Сергеева В. С., 2026

А. Чагнаадорж,
курсант Волгоградской академии МВД России.
Научный руководитель: **В. А. Канубриков**

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КИБЕРТЕРРОРИЗМУ И КИБЕРШПИОНАЖУ: АНАЛИЗ НОРМ УК РФ И МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ПОДХОДЫ

Киберугрозы в XXI в. становятся одним из ключевых вызовов национальной и международной безопасности. Атаки на критическую инфраструктуру, государственные органы, финансовые и транспортные системы уже выходят за рамки «преступлений в сфере ИТ» и способны причинять ущерб, сопоставимый с террористическими актами или даже военными действиями. Достаточно вспомнить атаку вируса NotPetya (2017 г.), вызвавшую глобальные перебои в работе частных и государственных систем, или недавние инциденты в энергетике и здравоохранении ряда стран [1].

Вместе с тем правовые механизмы противодействия кибертерроризму и кибершпионажу пока не вполне соответствуют масштабу угроз. Внутригосударственный уровень (на примере России) сталкивается с ограничениями норм УК РФ, а международное право не выработало единого подхода к квалификации кибератак как актов агрессии.

Статья 273 УК РФ («Создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ») [2] закрепляет ответственность за действия, направленные на разработку и распространение программного обеспечения, предназначенного для блокирования, уничтожения или модификации компьютерной информации, а также для нейтрализации средств защиты.

Основная критика заключается в том, что данная норма фиксирует лишь техническую сторону деяния (наличие программы), но не охватывает цель преступления. Например,

если программа используется для кибертеррористической атаки на инфраструктуру, состав преступления остается в рамках «распространения вируса», что не отражает истинной опасности. На практике это приводит к мягкой квалификации действий, которые, по сути, могут иметь террористический характер [3].

Статья 274.1 УК РФ («Неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации») [2] введена Федеральным законом № 194-ФЗ от 26.07.2017 и действует с 1 января 2018 г. Она стала важным шагом вперед, поскольку объектом охраны выступает функционирование КИИ, а не только программный код.

Вместе с тем выявлен ряд проблем:

- если программа похищает данные без нарушения работы системы, применение ст. 274.1 вызывает дискуссии;
- санкции за действия, которые потенциально могут вызвать массовые жертвы (например, атака на медицинские системы), иногда выглядят несоразмерными по сравнению с террористическими преступлениями (ст. 205 УК РФ);
- формулировки («существенный ущерб», «неправомерное воздействие») остаются расплывчатыми, что открывает путь к неоднородной судебной практике.

Максимальная санкция по ст. 274.1 в ее действующей редакции составляет до 6 лет лишения свободы (ч. 2), а в квалифицированных случаях – до 10 лет (например, если преступление повлекло тяжкие последствия или совершено группой лиц).

Согласно Уставу ООН и Резолюции 3314 (XXIX) акт агрессии связан с применением вооруженной силы: вторжением, бомбардировкой, блокадой и др. Кибератаки прямо не названы. Тем не менее в Tallinn Manual 2.0 указывается, что цифровая атака, приводящая к последствиям, сопоставимым с военным нападением, может рассматриваться как акт агрессии [4].

Проблема заключается в том, что такие критерии, как масштаб и последствия, пока не закреплены в международных договорах. Например, если кибератака приводит к отключению энергосистемы мегаполиса или выводу из строя систем здравоохранения, многие эксперты считают, что ее последствия равны агрессии. Но формального признания в практике Совета Безопасности ООН пока не было [5].

Основные трудности:

- Атрибуция. Установить конкретного субъекта атаки крайне сложно: государства активно используют прокси-группы и средства анонимизации.
- Порог тяжести. Нет четкой границы между шпионажем, диверсией и агрессией.
- Право на самооборону. Вопрос о возможности ответного применения силы при кибератаке остается дискуссионным [6].

Статьи 273 и 274.1 УК РФ являются важными, но недостаточными элементами правового регулирования. Они не учитывают специфику кибертерроризма и кибершпионажа, а также не позволяют в полной мере отражать масштабы угроз. Международное право находится в стадии адаптации: несмотря на развитие доктринальных подходов, юридически закреплённой практики пока нет.

Представляется целесообразным:

1. Включить в УК РФ отдельный состав «Кибертерроризм». Он должен предусматривать ответственность за умышленные воздействия на КИИ и информационные системы, если их целью является дестабилизация жизнеобеспечения или создание паники. Квалифицирующими признаками следует закрепить причинение смерти, тяжкого вреда здоровью или ущерб в особо крупном размере.
2. Уточнить диспозицию ст. 274.1 УК РФ. Разделить киберпреступления с экономическим мотивом и действия, представляющие угрозу национальной безопасности. Ввести критерии «существенного ущерба», учитывающие не только материальный, но и социальный эффект (например, приостановку работы больниц или транспорта).
3. Создать национальный реестр кибератак на КИИ. Такой инструмент позволит обобщать практику, выявлять новые угрозы и формировать единые судебные подходы.

4. На международном уровне:
- инициировать разработку Дополнительного протокола к Уставу ООН, закрепляющего возможность признания кибератак актами агрессии;
 - поддержать создание международного центра атрибуции при ООН;
 - содействовать обновлению Будапештской конвенции (2001 г.), добавив раздел о кибертерроризме.

Список библиографических ссылок

1. Analysis of NotPetya cyberattack // Council on Foreign Relations: official site. URL: <https://www.cfr.org/> (дата обращения: 06.10.2025).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 24.04.2024). URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 06.10.2025).
3. Мосечкин И. Н. Проблемы Уголовно-правовой охраны критической информационной инфраструктуры Российской Федерации // Всероссийский криминологический журнал. 2023. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-ugolovno-pravovoy-ohrany-kriticheskoy-informatsionnoy-infrastruktury-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 06.10.2025).
4. Schmitt M. N. Tallinn Manual 2.0 on the International Law Applicable to Cyber Operations. Cambridge University Press, 2017. 648 p.
5. Определение агрессии: [утв. резолюцией 3314 (XXIX) Генеральной Ассамблеи от 14.12.1974]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/aggression.shtml?ysclid=mqkmk9la94478514629 (дата обращения: 06.10.2025).
6. Banks W State Responsibility and Attribution of Cyber Intrusions After Tallinn 2.0 // Texas Law Review. 2017. Vol. 95. P. 1487–1513.

© Чагнаадорж А., 2026

Ю. С. Шаманина,
курсант Волгоградской академии МВД России.
Научный руководитель: **И. А. Нифталиева**

ОСКВЕРНЕНИЕ СИМВОЛОВ ВОИНСКОЙ СЛАВЫ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ КВАЛИФИКАЦИИ

Граждане Российской Федерации традиционно проявляют уважение к своему историко-культурному наследию. Великая Отечественная война, ставшая ключевым этапом борьбы с фашизмом, занимает особое место в исторической памяти общества. В целях увековечивания памяти погибших советских граждан создавались памятники, мемориальные комплексы и музеи, символизирующие их стойкость и героизм.

В последние годы, особенно после начала специальной военной операции, участились случаи осквернения памятников, мемориальных сооружений и символов как на территории Российской Федерации, так и за ее пределами. Статистические данные фиксируют тревожные тенденции в сфере охраны объектов, посвященных Великой Отечественной войне. Так, с февраля 2022 г. было зарегистрировано более 370 «резонансных фактов осквернения» воинских захоронений и иных мемориальных объектов, увековечивающих память погибших при защите Отечества [1].

В Докладе МИД России от 27.05.2025 отмечается, что на территории Украины, Латвии, Литвы и Эстонии, а также в Польше, Чехии и ряде других стран Европы стали «обыденным делом» уничтожение памятников нашей общей истории и культуры, осквернение могил павших советских воинов, а также героизация нацистов и коллаборационистов [2].

Противодействие указанным деяниям осуществляется уголовно-правовыми средствами. Так, Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) в ч. 3 и 4 ст. 354¹ «Реабилити-

тация нацизма» устанавливает уголовную ответственность, в частности, за публичное осквернение символов воинской славы России. В ст. 244 УК РФ предусмотрена ответственность за осквернение мест захоронения, надмогильных сооружений или кладбищенских зданий, предназначенных для церемоний в связи с погребением умерших или их поминовением.

В качестве яркого примера применения указанных уголовно-правовых норм можно привести известное дело «Самарчанки». В июле 2023 г. жительница Самары разместила в сети Интернет видеозапись, на которой пощекотала грудь скульптуры «Родина-мать зовёт!», тем самым принижая значение данного символа безнравственными действиями [3]. Первоначально деяние квалифицировалось по ст. 244 УК РФ, однако впоследствии было переквалифицировано на ч. 4 ст. 354¹ УК РФ, учитывая публичный характер действий.

До принятия Федерального закона от 23.07.2025 № 247-ФЗ ст. 243⁴ УК РФ устанавливала ответственность только за уничтожение или повреждение объектов, посвященных Великой Отечественной войне. Тем самым многие факты осквернения памятников, мемориалов при отсутствии материального ущерба не получали должной уголовно-правовой оценки. Такое положение указывает на существовавший законодательный пробел, восполненный только после принятия ФЗ № 247. Теперь уголовная ответственность наступает и в случае осквернения указанных объектов в целях причинения ущерба их историко-культурному значению. Разработчики соответствующего законопроекта в пояснительной записке отмечали, что в последние годы противоправные действия чаще проявлялись именно в форме осквернения, например, нанесения надписей и рисунков на памятники, приготовление пищи на Вечном огне.

С одной стороны, пробел восполнили, с другой – возникли трудности при квалификации в части разграничения составов преступлений, предусмотренных ст. 243⁴ и 354¹ УК РФ. Полагаем, что разрешению проблем уголовно-правовой квалификации в данном случае будет способствовать определение предмета указанных преступлений; раскрытие понятий «символ», «осквернение»; анализ публичности как составообразующего признака в ст. 354¹ УК РФ; уточнение смысла цели причинения ущерба историко-культурному значению объектов в ст. 243⁴ УК РФ.

Так, ст. 243⁴ УК РФ относится к разделу «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка». В п. «б» ч. 2 предметом являются воинские захоронения, памятники, стелы, обелиски, другие мемориальные сооружения или объекты, увековечивающие память погибших при защите Отечества или его интересов в период Великой Отечественной войны либо посвященные дням воинской славы России в этот период (в том числе мемориальные музеи или памятные знаки на местах боевых действий), а равно памятники, другие мемориальные сооружения или объекты, посвященные лицам, защищавшим Отечество или его интересы в период Великой Отечественной войны. В свою очередь ч. 3 ст. 354¹ УК РФ включена в раздел «Преступления против мира и безопасности человечества», что подчеркивает ее международно-правовую направленность и защиту исторической правды от реабилитации нацизма. Предметом преступления являются символы воинской славы России, которые не имеют законодательного определения. Рядом авторов была высказана идея о формировании перечня таких символов, но это представляется нам невозможным. Согласно философскому словарю символ – это образ, взятый в аспекте своей знаковости; знак, наделенный всей органичностью и неисчерпаемой многозначностью образа [4].

Под символами воинской славы понимаются не только материальные объекты, признанные обществом и государством как носители памяти о подвиге защитников Отечества в период Великой Отечественной войны, но и нематериальные объекты, такие как песни, литературные произведения (например, песня «Катюша»).

Понятие осквернения в российском уголовном законодательстве не является новым, однако до сих пор не имеет легального толкования. В контексте рассматриваемых норм под осквернением, по нашему мнению, следует понимать умышленные действия, направленные на принижение, унижение или придание оскорбительного характера символу, объекту памяти. Понятие осквернения появляется именно с позиции рассмотрения деяния с точки

зрения общественной нравственности, поскольку такие деяния направлены на нарушение общественного восприятия. Причем при осквернении действия не должны приводить к нарушению целостности объекта, но могут привести к их устранимому незначительному поверхностному повреждению.

Особое значение имеет публичность деяния как составообразующий признак в ч. 3 ст. 354¹ УК РФ. Указанный признак предполагает открытый характер действий и (или) их доступность неопределенному кругу лиц. Признак публичности закреплён и в других составах преступлений. Для устранения двусмысленности понятия он разъяснялся в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ. Например, в постановлении от 28.06.2011 № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» указано, что под публичными призывами (ст. 280 УК РФ) понимаются выраженные в любой форме (например, в устной, письменной, с использованием технических средств) обращения к другим лицам с целью побудить их к осуществлению экстремистской деятельности [5]. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2023 № 14 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьями 317, 318, 319 Уголовного кодекса Российской Федерации» определено, что вопрос о публичности должен разрешаться судами «с учетом места, способа, обстановки и других обстоятельств дела» [6]. По аналогии с вышеуказанными постановлениями необходимо пояснить сферу оскверняющих действий. Так, это осквернение в присутствии людей, в том числе в общественных местах, в ходе проведения массовых мероприятий, размещение оскверняющих изображений, сведений в средствах массовой информации, в сети Интернет, на сайтах, форумах или в блогах, открытых для широкого круга лиц, массовая рассылка электронных сообщений.

Относительно ст. 243⁴ УК РФ рассмотрим составообразующий признак субъективной стороны состава – цель «причинения ущерба историко-культурному значению» рассматриваемых в обозначенной статье объектов. Этот признак указывает на направленность умысла, на унижение символического значения памятного объекта. При этом объективная сторона, выражающаяся в уничтожении, повреждении или осквернении уже фиксирует такую направленность умысла, что делает, на наш взгляд, обязательный признак в виде цели избыточным и порождает необходимость пересмотра диспозиции и исключения такого признака.

Таким образом, проведенное исследование свидетельствует о необходимости формирования единых критериев уголовно-правовой оценки осквернения символов воинской славы России. Разработка постановления Пленума Верховного Суда РФ представляется необходимой для уточнения ключевых понятий «символ», «осквернение», «публичность». Это позволит не только защищать материальные объекты, но и сохранять духовные и культурные ценности, формировать уважение к подвигу защитников Отечества, воспитывать патриотическое сознание и укреплять моральные устои общества. Практическая значимость исследования проявляется в возможности применения выводов и рекомендаций для совершенствования уголовно-правовой защиты символов и объектов памяти, повышения эффективности правоприменительной практики. Комплексная уголовно-правовая охрана символов и объектов историко-культурной памяти о Великой Отечественной войне способствует сохранению исторической правды, уважению к подвигу защитников Отечества, а также укреплению моральных основ российского общества.

Список библиографических ссылок

1. Закон о наказании за осквернение воинских мемориалов вступил в силу. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7940497?ysclid=mfwfw58x8464443056> (дата обращения: 11.10.2025).

2. О ситуации в ряде стран Европы вокруг осквернения и разрушения памятников, воздвигнутых в честь тех, кто боролся против нацизма в годы Второй мировой войны (Доклад

Министерства иностранных дел Российской Федерации). URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/humanitarian_cooperation/2014247/ (дата обращения: 11.10.2025).

3. «Не думала, что задену чьи-то чувства»: правоохранители задержали самарчанку, «щекотавшую» грудь «Родины-матери» в Волгограде. URL: <https://www.samara.kp.ru/daily/27564/4889402/?ysclid=mjrvet4rjg884447951> (дата обращения: 11.10.2025).

4. Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л. Ф. Ильичев и др. М.: Сов. энциклопедия, 1983. 839 с.

5. О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 (в действ. ред.). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115712/?ysclid=mqglq3cdni_121877682 (дата обращения: 11.10.2025).

6. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьями 317, 318, 319 Уголовного кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2023 № 14. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_448841/?ysclid=mqglzcotdr744247974 (дата обращения: 11.10.2025).

© Шаманина Ю. С., 2026

А. А. Юхименко,
курсант Волгоградской академии МВД России.
Научный руководитель: **К. А. Попова**

АДМИНИСТРАТИВНЫЕ МЕРЫ ОВД В КОНТЕКСТЕ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ: ОЦЕНКА ИХ ВЛИЯНИЯ НА ОБЩЕСТВЕННЫЙ ПОРЯДОК И ИНТЕГРАЦИЮ МИГРАНТОВ

Одним из компонентов глобализирующегося общества и функционирования государства являются современные миграционные процессы. Степень их воздействия на различные сферы общественной жизни – от рынка труда до социальной инфраструктуры находит свое прямое отражение в нормах миграционного законодательства Российской Федерации. На сегодняшний день миграционная деятельность органов внутренних дел приобретает стратегическое значение и одно из приоритетных мест в политике нашей страны.

Основной задачей данного научного исследования является анализ эффективности существующих административных мер ОВД и разработка на его основе предложений по оптимизации системы управления миграционными потоками.

Ввиду отсутствия четко закрепленной дефиниции в настоящем исследовании сформулировано авторское понятие «административные меры», которые предлагают понимать как разновидность правовых средств, используемых органами государственной власти в целях регулирования общественных отношений, поддержания общественного порядка, защиты прав и законных интересов граждан и организаций в рамках административного законодательства.

Административные меры имеют комплексный характер и основываются на разветвленной системе законодательства, обеспечивающей баланс интересов государства, общества и личности. К основным источникам миграционной политики Российской Федерации относятся: Конституция РФ; Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»; Федеральный закон от 18.07.2006 № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации». Кроме того, актуальным документом является изданный 02.04.2025 Указ Президента Российской Федерации № 205 «О совершенствовании государственного управления в сфере миграции», в котором полномочия по работе с иностранными гражданами

и лицами без гражданства перешли к специализированному подразделению полиции – Службе по вопросам гражданства и регистрации иностранных граждан МВД России [1].

Обеспечение общественного порядка в современном государстве напрямую зависит от регулирования миграционных процессов. ОВД – ключевое звено, обеспечивающее баланс между безопасностью, законностью и успешной интеграцией мигрантов.

Основное направление деятельности ОВД определяется контрольно-профилактической функцией, которая направлена на предупреждение и пресечение правонарушений в сфере миграции. Она реализуется по следующим важным направлениям: проведение регулярных рейдов и проверок в местах массового проживания, работы и пребывания иностранных граждан; борьбу с организованной преступностью, занимающейся организацией нелегальной миграции, торговлей людьми и эксплуатацией трудовых мигрантов.

Анализируя миграционное законодательство в системе административного регулирования, мы можем отметить, что система призвана решать задачи с помощью принудительных механизмов, поскольку КоАП РФ регламентирует исключительно меры ответственности (наказания), пресечения и принуждения. Таким образом, карательная предопределенность ориентирует всю систему в ущерб иным методам управления.

Статистические данные свидетельствуют об ужесточении контроля в данной сфере. Так, по информации МВД России, в первом полугодии 2025 г. было зафиксировано увеличение количества пресеченных правонарушений в сфере миграции на 16,7 % – с 503,7 тыс. до 587,8 тыс. случаев. При этом общее количество составленных протоколов об административных правонарушениях в отношении иностранных граждан достигло 1 544,7 тыс. Данная статистика, с одной стороны, свидетельствует о повышении эффективности контрольной деятельности МВД, с другой – является индикатором сохранения системных проблем, выталкивающих мигрантов в правовое поле нарушений.

В этой связи актуализируется необходимость законодательного закрепления более широкого круга управленческих методов, ориентированных на стимулирование правомерного поведения и профилактику нарушений. При этом применение мер должно носить индивидуализированный характер, учитывающий объективные особенности различных категорий мигрантов, при безусловном соблюдении принципа недопущения дискриминации.

Реализация данного предложения будет способствовать переходу к более эффективной и справедливой модели управления, целью которой является не только обеспечение государственной безопасности и защита граждан, но и достижение успешной интеграции мигрантов в национальное сообщество.

Стоит отметить, что эффективность административных мер также может существенно падать из-за ряда системных барьеров. Более того, эти же препятствия зачастую косвенно обуславливают бюрократический рост правонарушений. К числу таких проблемных аспектов действующей политики относятся:

1. Высокие финансовые и административные издержки, связанные с получением легального статуса, приводят к втягиванию мигрантов в «теневой» сектор экономики. Таким образом, они лишаются доступа к социальным услугам, правовой защите и могут попасть в неблагоприятное социальное окружение, которое подталкивает к нарушению законодательства Российской Федерации. Эта правовая уязвимость делает мигрантов легкой добычей для недобросовестных работодателей, криминала и коррупции. По оценкам экспертов, до 30 % легальных мигрантов сталкиваются с труднопреодолимыми бюрократическими барьерами при оформлении документов. По разным данным, в нелегальном секторе экономики может быть занято до 4–5 млн нелегальных мигрантов.

2. Существование правовой неопределенности и постоянной редакции законодательства формирует у мигрантов устойчивое чувство правовой незащищенности. Это порождает страх и избегание любых контактов с государственными органами, способствует их желанию остаться «невидимыми». В результате происходит нормализация девиантных поведенческих паттернов в миграционной среде, что скажется на профилактическом потенциале правоохранительных органов и затруднит раскрытие уже совершенных преступлений.

3. Действующая система миграционного контроля иногда демонстрирует выраженный дисбаланс в сторону репрессивных мер, практически не предлагая позитивных стимулов для интеграции мигрантов. Реализуемые тактические задачи не ориентированы на мотивацию и просвещение иностранцев и лиц без гражданства, необходимые для усвоения русского языка, истории и законодательства Российской Федерации. Совершенствование административных мер должно идти по пути создания понятных стимулов для легализации, в то время как вектор просвещения будет целенаправленно формировать у мигрантов необходимые государству модели поведения в правовом поле.

На основании вышеизложенных выводов современной миграционной политики нами была выявлена необходимость системной оптимизации существующих регуляторных механизмов. В целях повышения уровня государственного управления миграционными процессами сформулированы следующие рекомендации:

1. Объединить многочисленные поправки и изменения в единый структурированный и понятный закон, чтобы снизить частоту точечных изменений.

2. Разработать и внедрить комплексную информационно-навигационную систему для мигрантов в виде официального многоязычного мобильного приложения. Данный цифровой помощник будет обеспечивать: четкий пошаговый алгоритм действий для каждой категории мигрантов в независимости от цели и срока пребывания. Соблюдение миграционного законодательства за счет заблаговременных предупреждений об истечении сроков пребывания, напоминаний и доступа к актуальной правовой базе. Снижение административных барьеров при помощи системы, персональных трекеров миграционного статуса и возможности автоматизированного заполнения типовых административных заявлений.

3. Реализовать сеть доступных курсов по языку и праву на базе центров занятости, вузов и НКО с возможностью частичной компенсации их стоимости при успешном окончании. При этом необходимо сделать прохождение таких курсов обязательным.

Проведенное исследование позволяет констатировать, что административные меры представляют собой сложный и многогранный инструмент государственной миграционной политики. С одной стороны, они демонстрируют высокую эффективность в части силового противодействия незаконной миграции и обеспечения правопорядка, что подтверждается статистикой роста пресеченных правонарушений. С другой стороны, доминирование карательной составляющей, регламентированной нормами КоАП РФ, и наличие системных административных барьеров существенно ограничивают регулятивный и интеграционный потенциал всей системы.

В результате формируется замкнутый круг: избыточная сложность легализации и правовая неопределенность провоцируют нарушения, на которые государство отвечает ужесточением контроля, что, в свою очередь, еще больше затрудняет легальное пребывание. Это подчеркивает неоднозначность данной политики, которая, обеспечивая краткосрочную безопасность, может создавать долгосрочные риски в виде роста теневой занятости и социальной напряженности. Предложенные меры – кодификация законодательства, внедрение мобильного приложения, где законность становится политически и социально выгодной как для мигрантов, так и для принимающего общества.

Таким образом, преобразование миграционных вызовов в реальные возможности для развития России напрямую зависит от способности государства выстроить прозрачный, справедливый и интеграционно-ориентированный правовой режим.

Список библиографических ссылок

1. О совершенствовании государственного управления в сфере миграции: указ президента Российской Федерации от 02.04.2025 № 205. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_502301/ (дата обращения: 05.10.2025).

Библиографический список

1. Как иностранцу ориентироваться в Российской бюрократии. – URL: <https://russiavibes.com/ru/how-to-navigate-russian-bureaucracy-as-a-foreigner/> (дата обращения: 05.10.2025).
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 05.10.2025).
3. О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации : федер. закон от 18.07.2006 № 109-ФЗ. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61569/ (дата обращения: 05.10.2025).
4. О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации : федер. закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37868/ (дата обращения: 05.10.2025).

© Юхименко А. А., 2026

Р. А. Якупов,
ученик 11 класса МОУ Лицей № 7.
Научный руководитель: **С. Н. Степанько**

ДЕФОРМАЦИЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: ПРИЧИНЫ И ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

В настоящее время, как никогда ранее, тема правосознания личности является наиболее значимой для Российского государства. И прежде всего, это относится к правосознанию несовершеннолетнего. Понятие «правосознание» мы можем обозначить как систему взглядов, чувств, эмоций и волнений по отношению к праву, его общественной значимости и адвокатской практике.

Так, в современном обществе присутствуют негативные стороны правосознания, которые выражаются в избегании законов гражданами или их нарушениях. И к наиболее уязвимым среди граждан относятся несовершеннолетние, которые в силу отсутствия своего жизненного опыта, отсутствия необходимых правовых знаний подвержены деформации правосознания. Деформация правосознания – это социально-правовое явление, которое выражается в искажении позитивных идей, убеждений, установок, можно назвать это минусами правосознания, которые говорят о его несформированности.

Правосознание может закреплять правовые отношения, которые сформировались в обществе, и воздействовать в целом на правотворчество.

Если говорить о причинах деформации правосознания несовершеннолетних, то одной из причин выступает приобщение к криминальной субкультуре.

Подростки приобщаются к криминальной субкультуре из-за особенностей своей психологии, которая зачастую основана на подражании взрослым. Приобщаясь к ней, подростки сами становятся проводниками субкультуры среди других несовершеннолетних лиц: они вовлекают сверстников в свой круг общения и тем самым распространяют криминальные ценности. Воздействие антисоциальных установок деформирует правовое сознание несовершеннолетних. У них размываются некоторые нравственные понятия о совести, достоинстве, в их действиях начинают превалировать корыстные мотивы, что повышает склонность к совершению преступлений.

Еще одной причиной деформации несовершеннолетних является оказание влияния со стороны средств массовой информации, так как психика несовершеннолетних является неустоявшейся, большинство детей подвергается огромному риску со стороны средств массовой информации. Так, по телеканалу ТВ-3 часто показывают триллеры, в которых убийства совершают как взрослые, так и подростки, употребляются наркотики, алкоголь, демонстрируется курение. Например, в фильме «Железный человек» показано все вышеперечисленное, а в фильме, вышедшем в 2017 г., «Космос между нами», подростки свободно угоняют автомобили и остаются безнаказанными. Этот список можно продолжать очень долго, но факт остается фактом – государство должно либо ограничивать просмотр этих фильмов, либо делать вставки в фильме, что за это может быть административное, или уголовное наказание.

На правосознание несовершеннолетних оказывает влияние и семья. Если в семье пренебрегают законом или же кто-то из родителей совершает правонарушения, это может деформировать правовое сознание детей.

Несовершеннолетнего с девиантным поведением можно определить как индивида, чье поведение противоречит общепринятым нормам и правовому поведению в обществе. Только некоторые из несовершеннолетних с девиантным поведением совершают преступления случайно.

На сегодняшний день правосознание подростков подвергается деформации и набирает большие темпы в кругах молодежи. Деформация правосознания подростков включает в себя

правовой инфантилизм, нигилизм, может стать причиной противоправного поведения подростка. Поэтому необходимо разработать технологию, которая бы помогла преодолеть деформацию подростков.

В качестве такой технологии мы выбрали внеклассное мероприятие для 8–9 классов. Данное мероприятие может быть проведено на «Неделе права», которое проводится каждый год.

Тема данного мероприятия: «Я ответственен перед законом», к задачам которого относятся:

- 1) профилактика правонарушений среди несовершеннолетних учащихся;
- 2) ознакомление учащихся с законами, которые определяют меру ответственности несовершеннолетних за противоправные деяния;
- 3) решение ситуационных задач;
- 4) проведение игры «Незнание закона не освобождает от ответственности».

На основе сценария этого мероприятия были также разработаны рекомендации педагогам дисциплины «Право» и «Обществознание» для организации воспитательной работы:

- 1) общаться с классными руководителями своих учеников, чтобы узнать имеются ли среди подростков лица, которые совершали правонарушения, чтобы уделить им особое внимание;
- 2) на своих занятиях по предметам использовать законы, нормативные правовые акты и вовлекать в работу с ними учеников;
- 3) чаще решать практические задачи, это поможет приблизить учеников к ситуациям в реальной жизни и поможет разобраться, как вести себя в той или иной ситуации;
- 4) один раз в четверть устраивать викторины, игры на правовую тематику, знание законов;
- 5) давать в качестве домашних заданий мини-эссе, чтобы ученики больше рассуждали на тему права, ответственности перед законом и т. п.

Библиографический список

1. Арутюнов, Э. К. Правосознание и правовая культура личности в России : монография / Э. К. Арутюнов. – «Издательские решения», 2018. – 100 с.
2. Бородина, М. И. Правовая культура и правосознание несовершеннолетних : учеб.-метод. пособие / М. И. Бородина. – Волгоград : Из-во ВГПУ «Перемена», 2009. – 128 с.
3. Вопленко, Н. Н. Правосознание и правовая культура : учеб. пособие / Н. Н. Вопленко. – Волгоград : Издательство ВолГУ, 2000. – 52 с.
4. Денисов, Н. Л. Влияние криминальной субкультуры на становление личности несовершеннолетнего преступника : автореф. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Денисов Николай Леонидович. – Москва, 2002. – 194 с.
5. Иванченков, Ю. В. Деформация правосознания адвоката в условиях современной России как фактор оказания некачественной юридической помощи / Ю. В. Иванченко // Адвокатская практика. – 2011. – № 4.

© Якупов Р. А., 2026

Научное издание

**ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ
НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

Тезисы докладов

Редактор *Е. А. Хоршева*
Компьютерная верстка *Ю. В. Сиволапова*
Дизайн обложки *Н. А. Доненко*

Волгоградская академия МВД России.
400075, Волгоград, ул. Историческая, 130.

Редакционно-издательский отдел.
400005, Волгоград, ул. Коммунистическая, 36.

Подписано к использованию 30.06.2026. Объем 807 КБ.
Тираж 10 экз. Заказ 30.

ОПиОП РИО ВА России. 400005, Волгоград, ул. Коммунистическая, 36.